

**КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВОСУДИЕ**

**ВЕСТНИК
КОНФЕРЕНЦИИ
ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
СТРАН МОЛОДОЙ ДЕМОКРАТИИ**

ВЫПУСК 3 (21) 2003

**ИЗДАЕТСЯ ЦЕНТРОМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАН 2003**

Содержание #3(21) 2003

- **Актуальные проблемы конституционного правосудия**
- **Гаджиев Г.** Самостоятельная и сильная судебная власть.
Hajiev G. Self-dependent and strong judiciary.
- **Котов А.** Толкование Конституции и формирование прецедентного конституционного права
Kotov A. Interpretation of the Constitution and formation of constitutional case law.
- **Киракосян Л.** Право на информацию и демократия
Kirakossian L. The right to information and the democracy.

Тематика дня

- Итоговый отчет наблюдательной миссии ОБСЕ/ ОДИПЧ о выборах в Национальное Собрание Республики Армения 25 мая 2003 года.
OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report on the Republic of Armenia Parliamentary elections 25 May 2003
- **Дерцян Г.** Экономическая безопасность в системе национальной безопасности.
Dertzian H. Economical security in the national security system.
- **Новые решения конституционных судов**
- Резюме решений Конституционного Суда Украины (январь-апрель 2003 года)
Summary of the decisions of the Constitutional Court of the Ukraine (January-April 2003).
- Обзор практики Конституционного Суда Республики Беларусь за второй квартал 2003 года
Survey of the practice of the Constitutional Court of the Republic of Belarus for the second quarter of 2003.
- **Новые книги о конституционном правосудии**
- **Василевич Г.А.** "Конституционное правосудие в Республике Беларусь". Ереван, 2003 г.
- **Vasilevich G.A.** "Constitutional justice in the Republic of Belarus" Yerevan, 2003
- **Информации, факты, сообщения**
- Председателем Конституционного Суда Республики Таджикистан избран З. М. Алиев.
Aliev Z.M. is elected as the President of the Constitutional Court of Tajikistan.
- Международная научно-практическая конференция "Применение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в практике судов Германии и стран СНГ". Армения, 2003
International scientific-practical conference on "Implementation of universally-recognized principles and norms of international law and international treaties in the practice of the courts of Germany and countries of the CIS" Armenia, 2003

КАЗАХСТАН

О деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан

Правовая основа специального органа конституционного контроля в Казахстане была заложена в 1989 году дополнением к Конституции Казахской ССР, предусматривающим учреждение Комитета конституционного надзора, который, однако, не был создан. Затем Конституционным законом Республики Казахстан от 16 декабря 1991 года "О государственной независимости Республики Казахстан" было установлено, что высшим органом судебной защиты Конституции является Конституционный Совет Республики Казахстан. Этот орган был избран Верховным Советом Республики 2 июля 1992 года и осуществлял конституционный контроль по октябрь 1995 года.

Конституция Республики Казахстан, принятая 30 августа 1995 года на республиканском референдуме, завершила важный период реформирования государственных органов независимого Казахстана, утверждающего себя демократическим, светским, правовым и социальным государством.

Раздел шестой Конституции содержит основополагающие нормы, учреждающие конституционный контроль в Республике, осуществление которого возлагается на Конституционный Совет. Он не входит в судебную систему, является государственным органом, обеспечивающим верховенство Конституции Республики как Основного Закона государства на всей территории Казахстана.

Конституционный Совет состоит из семи членов. Председатель и два члена Совета назначаются Президентом Республики, по два члена назначаются Председателями Сената и Мажилиса Парламента сроком на шесть лет. Половина членов Совета обновляются каждые три года. Кроме того, пожизненными членами Конституционного Совета являются по праву экс-Президенты Республики.

На основе Конституции 1995 года Конституционный Совет Казахстана был назначен в феврале 1996 года, дважды обновлялся наполовину в 1999 и в 2002 годах. Сегодня в составе Конституционного Совета три доктора наук, профессора, один кандидат юридических наук, профессор и два юриста-практика, имеющие большой опыт работы в органах юстиции и прокуратуры.

Правовой основой организации и деятельности Совета является Конституция Казахстана и Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, "О Конституционном Совете Республики Казахстан" от 29 декабря 1996 года. Согласно конституционному статусу, Совет при осуществлении своих полномочий самостоятелен и независим от государственных органов, организаций, должностных лиц и граждан, подчиняется только Конституции Республики и не может исходить из политических и иных мотивов.

Конституция Республики установила круг полномочий Конституционного Совета, включающий: решение в случае спора по вопросу о правильности проведения выборов Президента Республики, депутатов Парламента и

проведения республиканского референдума; рассмотрение до подписания Президентом принятых Парламентом законов на их соответствие Конституции Республики; рассмотрение до ратификации международных договоров республики на соответствие их Конституции; официальное толкование норм Конституции; дача заключения в случае рассмотрения Парламентом вопроса о досрочном освобождении от должности Президента Республики Казахстан по болезни или отрешении от должности в случае государственной измены.

Конституционное производство по приведенным вопросам может быть возбуждено только по обращениям Президента Республики Казахстан, Председателей Палат Парламента, не менее одной пятой от общего числа депутатов Парламента, Премьер-министра.

В число субъектов обращения в Конституционный Совет не входят граждане Республики. Их конституционные права и свободы могут быть защищены в судах общей юрисдикции, а в Конституционном Совете – в случаях и в порядке, установленном статьей 78 Конституции. Если суд усмотрит, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, он обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет с представлением о признании этого акта неконституционным.

За шестилетний период деятельности Конституционным Советом рассмотрено более 120 обращений. В их числе: 17 – о конституционности принятых Парламентом законов до их подписания Президентом (14%); 54 – об официальном толковании норм Конституции (43%), 45 – о признании нормативных правовых актов неконституционными по представлениям судов (37%).

Что касается субъектов обращения, то в соответствии со статьей 72 Конституции в Конституционный Совет Республики Казахстан обращались: Президент – 16 раз (13%), Председатель Сената – 5 (4%), Председатель Мажилиса – 12 (10%), 1/5 часть депутатов – 24 (20%), Премьер-министр – 14 (11%), суды Республики Казахстан – 47 (39%).

Из 17 законов, принятых Парламентом республики и рассмотренных Конституционным Советом на предмет соответствия Конституции, восемь признаны неконституционными. Среди них законы: "О языках в Республике Казахстан", Гражданский кодекс (особенная часть), "О торгово-промышленных палатах", "О редких и находящихся под угрозой исчезновения видах животных", "Об обязательном страховании ответственности работодателя за причинение вреда работнику", "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений".

Конституционность принятых Парламентом законов до их подписания Президентом чаще всего проверяется по инициативе Главы государства. Это, несомненно, является свидетельством активного выполнения им своей функции гаранта незыблемости Конституции. Последним по времени было обращение Президента о проверке конституционности принятого Парламентом и представленного ему на подпись Закона Республики

Казахстан "О политических партиях". Конституционный Совет своим постановлением от 11 июля 2002 года, которое было опубликовано в печати, признал данный Закон соответствующим Конституции Республики Казахстан.

Большую часть обращений в Конституционный Совет и принятых им итоговых постановлений составляют обращения о даче официального толкования норм Конституции. Официальное толкование дано по 40 статьям Конституции. Наибольшее число обращений поступило об официальном толковании конституционных норм, устанавливающих и гарантирующих права и свободы человека и гражданина, закрепляющих основы конституционного строя республики, статус, полномочия и деятельность органов государственной власти.

Чаще других о даче официального толкования обращаются в Совет депутаты Парламента, которые просят разрешить их сомнения в соответствии спорных положений рассматриваемых законопроектов Конституции. При рассмотрении Советом некоторых обращений об официальном толковании выявляются пробелы в правовом регулировании или, напротив, наличие в текущем законодательстве норм, противоречащих Конституции или друг другу. С такой ситуацией Конституционный Совет столкнулся при рассмотрении обращений по поводу третейских судов. Принимаемые по этим обращениям постановления Совета способствуют принятию законов в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, устранению пробелов в правовом регулировании и, в конечном счете, обеспечению конституционной законности в законодательном процессе.

Необходимость официального толкования норм Конституции обусловлена еще тем, что Конституция Казахстана имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории республики, ее нормы входят в систему действующего права и применяются непосредственно. Официальное толкование конституционных норм является юридическим средством правильного и эффективного их применения.

Конституционным Советом дано официальное толкование статей Конституции, в которых регламентированы компетенция государственных органов, основания прекращения полномочий депутатов, правовой режим государственной собственности, социального обеспечения, права землепользования, республиканского бюджета, финансирования политических партий и профессиональных союзов, ратификации международных договоров.

В обращениях, поступивших от судов республики в соответствии со статьей 78 Конституции, а их было 45, ставились вопросы о неконституционности нормативных правовых актов, по усмотрению судов ущемляющих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Так, по обращению Северо-Казахстанского областного суда Совет признал подпункт 3) части первой статьи 281 Кодекса Казахской ССР об административных правонарушениях противоречащим Конституции, поскольку окончательность судебного решения по делу об административном правонарушении, связанному с наложением штрафа, лишало заинтересованное лицо правовой возможности обжаловать судебный акт.

Также Конституционный Совет признал, в частности, противоречащими Конституции и нарушающими права граждан Казахстана отдельные положения двух международных договоров по комплексу "Байконур", заключенных между Казахстаном и Россией.

Из общего количества рассмотренных представлений судов Советом признаны не соответствующими Конституции девять норм действующего на тот момент законодательства, положения которых ущемляли конституционные права и свободы человека и гражданина.

Исполнение итоговых решений Конституционного Совета государственными органами, должностными лицами и гражданами является положительным результатом деятельности как самого органа конституционного контроля, так и результатом соблюдения конституционной законности в стране. Юридическая природа итоговых решений Конституционного Совета, заложенная в Конституции Республики Казахстан и в Указе Президента Республики Казахстан, имеющем силу конституционного закона, "О Конституционном Совете Республики Казахстан", определяет непосредственность их исполнения. Итоговые постановления Конституционного Совета имеют силу акта прямого действия и подлежат немедленному исполнению, общеобязательны на всей территории республики, окончательны и не подлежат обжалованию. Конституция наделяет Президента Республики Казахстан правом приносить возражения на решения Конституционного Совета в целом или в его части, которые преодолеваются двумя третями голосов от общего числа членов Совета.

Итоговые решения Конституционного Совета, принимаемые коллегиально в форме постановлений, заключений и посланий, порождают определенные правовые последствия. Ими являются признание акта соответствующим или не соответствующим Конституции, установление несоблюдения или соблюдения определенных конституционных процедур.

Конституционный Совет рассматривает на соответствие Конституции законы, принятые Парламентом республики, до подписания их Президентом, а также международные договоры республики до их ратификации. Признание Советом не соответствующим Конституции закона, еще не вступившего в силу, и международного договора до его ратификации порождает следующие последствия. Закон, признанный не соответствующим Конституции, не может быть подписан и введен в действие, а международный договор не может быть ратифицирован и введен в действие. Последствиями признания их соответствующими Конституции являются возобновление течения срока подписания закона и возобновление процесса ратификации международного договора.

В случаях, предусмотренных статьей 78 Конституции, Совет рассматривает на соответствие Конституции действующие нормативные правовые акты республики. Действующий нормативный правовой акт, признанный Советом ущемляющим закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина и вследствие этого неконституционным, утрачивает юридическую силу и не подлежит применению. Решения судов и иных правоприменительных органов, основанные на таком законе или ином

нормативном правовом акте, исполнению не подлежат. Уполномоченные государственные органы и должностные лица в порядке исполнения нормативного постановления Совета обязаны восполнять возникший пробел в праве незамедлительно.

В соответствии со статьей 74 Конституции итоговые решения Конституционного Совета вступают в силу со дня их принятия, являются общеобязательными на всей территории республики, окончательными и не подлежат обжалованию. Согласно этому, итоговые решения Совета действуют непосредственно после принятия и не требуют промульгации другими органами и должностными лицами.

Главной отличительной чертой решений Конституционного Совета является то, что акт, признанный не соответствующим Конституции Республики, лишается юридической силы, и это не требует никакого подтверждения другими государственными органами и должностными лицами. Решение Совета должно исполняться независимо от каких-либо обстоятельств. Норма закона или иного нормативного правового акта, признанная неконституционной, не подлежит применению, устраняется из правового поля. Восполнение правового пробела, появившегося после признания неконституционной нормы или действующего акта, является обязательным с учетом правовой позиции Конституционного Совета.

Законодательство республики не содержит четкого механизма исполнения итоговых решений Совета. Однако законодатель наделяет правом определения порядка исполнения итоговых решений сам орган, призванный обеспечивать верховенство Конституции. Конституционный Совет в соответствии со статьей 40 Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, "О Конституционном Совете Республики Казахстан" вправе определить порядок исполнения принятых им решений. Соответствующие государственные органы и должностные лица в срок, установленный Конституционным Советом должны сообщить о мерах, принятых во исполнение его решения. Из сказанного вытекает, что сам вправе решать вопросы и устанавливать механизм исполнения каждого отдельного итогового постановления.

Конституция республики и законодательство не предусматривают ответственность за неисполнение итоговых решений Конституционного Совета. Однако это не означает, что субъекты, обязанные исполнять решения Совета, могут игнорировать предписания, изложенные в итоговых постановлениях Совета. При неисполнении итоговых решений Совета может наступить общая конституционно-правовая ответственность.

Обычно на практике Совет, осуществляя предварительное рассмотрение закона, предлагает правотворческим органам исполнять свои решения, не указывая при этом конкретного срока. К примеру, в постановлении от 15 июня 2000 года N 9/2 "Об официальном толковании пункта 6 статьи 61 Конституции Республики Казахстан" было предложено внести соответствующие изменения и дополнения в действующее законодательство по вопросам регламентации порядка вынесения и установления сроков представления заключений Правительства республики по законопроектам,

предусматривающим сокращение государственных доходов или увеличение государственных расходов. На основе и во исполнение указанного постановления Совета Правительством были внесены изменения в Регламент Правительства.

Признанные не соответствующими Конституции законы не могут быть подписаны Президентом и введены в действие. Они могут быть повторно приняты Парламентом при условии приведения в соответствие с Конституцией. Конституционный Совет своим Постановлением от 27 марта 1998 года N 1/2 признал не соответствующими Конституции некоторые статьи Гражданского кодекса Республики Казахстан (особенная часть), которые впоследствии были изменены в соответствии с постановлением Совета и приняты законодательным органом.

Обращения в Конституционный Совет об официальном толковании во многих случаях касаются вопросов приведения действующего законодательства в соответствие с Конституцией, конституционных полномочий законодательной и исполнительной власти, а также вопросов, возникающих в законодательном процессе.

Так, в постановлении от 9 октября 1998 года N 9/2 "Об официальном толковании пункта 2 статьи 41 Конституции Республики Казахстан" Конституционный Совет, разъясняя пункт 2 статьи 41 Конституции в части слов "свободно владеющий государственным языком", установил, что эту норму следует понимать как умение грамотно читать, писать, легко, без затруднений излагать свои мысли и публично выступать на казахском языке. Данное решение Совета было использовано Центральной избирательной комиссией при проверке ею кандидатов в Президенты Республики Казахстан на предмет знания ими государственного языка.

В постановлении от 13 апреля 2000 года N 2/2 "Об официальном толковании пункта 3 статьи 6 Конституции Республики Казахстан" Совет указал, что он не связывает официальное толкование норм Конституции с оценкой конституционности и законности постановления Правительства республики, поскольку в его компетенцию это не входит. Обращение по указанному постановлению было связано с принятым Правительством постановлением от 12 января 2000 года N 53 "О некоторых вопросах компании "Аксесс Индастриз, Инк.". Разъясняя конституционную норму, Конституционный Совет указал, что выход за пределы, установленные Конституцией и основанные на ее положениях законодательными актами, а также несоблюдение предусмотренных ими конкретных условий предоставления прав землепользования исполнительным органом означает превышение правовых границ воздействия на эти отношения, что влечет нарушение режима конституционности. Последствием принятия итогового решения Конституционного Совета стало постановление Правительства Республики Казахстан от 17 апреля 2000 года N 595 "Вопросы компании "Аксесс Индастриз, Инк.", где были исключены льготы, предоставленные хозяйствующему субъекту Правительством республики.

По инициативе Конституционного Совета с участием представителей Администрации Президента, Парламента, Правительства, Верховного Суда,

Генеральной прокуратуры, а также ряда других государственных органов 5 июля 2002 года было проведено совещание по вопросу исполнения итоговых постановлений Совета. Протокольным решением Администрации Президента республики государственным органам и их должностным лицам были поставлены конкретные задачи с указанием срока их исполнения. Несомненно, что совещание дает положительный результат.

В процессе своей работы Конституционный Совет постоянно взаимодействует с Президентом Республики Казахстан и его Администрацией, Парламентом, Правительством, Верховным Судом, Генеральной прокуратурой.

Взаимодействие Конституционного Совета с Президентом Республики Казахстан осуществляется по нескольким направлениям, прежде всего по "кадровому вопросу": согласно статье 71 Конституции Республики Казахстан Председатель и два члена Совета назначаются непосредственно Президентом Республики Казахстан. В случае выбытия или истечения срока пребывания в должности кого-либо из этих лиц замещение их осуществляется также Президентом. По истечении срока собственных полномочий Президент в качестве экс-Президента на основании соответствующего положения Конституции становится по праву пожизненным членом Конституционного Совета. Президент является одним из названных в статье 72 Конституции субъектов обращения в Конституционный Совет. На практике он обычно направляет обращения о проверке соответствия Конституции принятых Парламентом и поступивших к нему на подпись законов республики.

Вопрос о взаимодействии Президента республики и Конституционного Совета возникает и в случае реализации Президентом полномочий, закрепленных в пункте 4 статьи 73 Конституции Республики Казахстан, то есть при внесении Президентом возражения на решение Конституционного Совета. За время функционирования Совета возражения на его постановления были внесены Президентом лишь трижды.

Одной из задач Конституционного Совета является подготовка ежегодных посланий о состоянии конституционной законности в республике. По Конституции такие послания заслушиваются на совместном заседании Палат Парламента, поэтому "адресатом" их, в первую очередь, является представительный орган республики. Но, разумеется, текст послания представляется и в Администрацию Президента. Помимо этого, Указ Президента "О Конституционном Совете Республики Казахстан" устанавливает, что Председатель Конституционного Совета по требованию Президента республики представляет ему информацию о состоянии конституционной законности в стране.

В процессе своей работы Конституционный Совет тесно взаимодействует не только непосредственно с Президентом республики, но и с его Администрацией. О всех поступивших в Конституционный Совет обращениях в Администрацию Президента направляется сообщение. По ряду обращений запрашивается мнение (заключение) государственно-правового отдела Администрации. Последняя выступает координатором мероприятий, участие в которых принимает Конституционный Совет. Совещание по вопросу

исполнения решений Конституционного Совета, которое упоминалось выше, было организовано под эгидой Администрации ее государственно-правовым отделом.

Взаимодействие Конституционного Совета с Парламентом носит достаточно разнообразный характер с учетом того, что в одних случаях такое взаимодействие осуществляется в целом с Парламентом как коллегиальным органом, в других – с группами депутатов в количестве не менее одной пятой части от их общего числа (при их обращениях в Совет), в третьих – со спикерами Палат Парламента. В целом, с Парламентом Совет взаимодействует, когда Парламент на совместном заседании Палат заслушивает ежегодные послания Конституционного Совета о состоянии конституционной законности в республике, а также когда Председатель и члены Совета после своего назначения на совместном заседании Палат Парламента приводятся Президентом республики к присяге.

Назначение на должность членов Совета осуществляется не Парламентом в целом и не его Палатами, а председателями Палат. Точно также субъектами обращения в Конституционный Совет Конституция называет не Парламент и не его Палаты, а председателей Палат и группы депутатов в количестве не менее одной пятой части от их общего числа. На долю таких депутатских групп приходится значительная часть обращений в Конституционный Совет, особенно об официальном толковании норм Конституции. В своих обращениях депутаты просят разрешить их сомнения в соответствии спорных положений рассматриваемых ими законопроектов Конституции. Принимаемые по этим обращениям постановления Совета способствуют принятию законов в соответствии с Конституцией Республики, обеспечению конституционной законности в законодательном процессе.

Конституция не предусматривает прямого взаимодействия Совета с Правительством республики как коллегиальным органом; субъектом обращения в Совет признается Премьер-министр как должностное лицо. Правом обращения в Конституционный Совет Премьер-министр пользуется нередко: обычно, когда Парламент принимает внесенный Правительством законопроект с существенными изменениями или принимает законы, предусматривающие сокращение государственных доходов или увеличение государственных расходов без требуемого по Конституции Республики положительного заключения Правительства. В указанных случаях Премьер-министр просит проверить соответствие Конституции принятого Парламентом закона.

Верховный Суд и Генеральная прокуратура Республики пунктом 1 статьи 72 Конституции не названы в числе субъектов обращения в Конституционный Совет. Но Верховный Суд, в принципе, может обратиться в Совет на основании положения пункта 2 статьи 71, согласно которому Конституционный Совет рассматривает обращения судов в случаях, установленных статьей 78 Конституции, то есть если усмотрит, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина. В этом случае Верховный Суд, как и любой другой суд республики, обязан

приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет с представлением о признании такого акта неконституционным. Генеральная прокуратура такой возможности не имеет, в связи с чем в республике время от времени высказываются предложения наделить этот орган правом непосредственного обращения в Конституционный Совет. Вместе с тем указанные органы по своему статусу и характеру выполняемых функций относятся к числу тех органов, с которыми Конституционный Совет в своей практической деятельности взаимодействует особенно тесно. "Официальным признанием" такой тесной взаимосвязи можно рассматривать то обстоятельство, что Указом "О Конституционном Совете Республики Казахстан" и Верховный Суд, и Генеральный прокурор названы в числе субъектов, которым итоговые решения Конституционного Совета направляются "во всех случаях".

Не будучи формально субъектами обращений об официальном толковании норм Конституции, Верховный Суд и Генеральная прокуратура нередко являются фактическими инициаторами таких обращений.

Практически по каждому поступившему обращению Конституционный Совет просит и Верховный Суд, и Генеральную прокуратуру дать свое заключение по обращению или иным образом выразить свою позицию.

В соответствии со статьей 35 Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, "О Конституционном Совете Республики Казахстан" Конституционный Совет принимает дополнительное решение по собственной инициативе, по ходатайству участников конституционного производства либо ходатайству государственных органов и должностных лиц, обязанных к исполнению решения, если: 1) ставится вопрос об истолковании решения Конституционного Совета; 2) необходимо исправить допущенные в решении Конституционного Совета неточности и ошибки редакционного характера. За время своего функционирования Конституционный Совет вынес несколько дополнительных решений и все по ходатайству или Верховного Суда, или Генеральной прокуратуры либо по ходатайству и того, и другого органа одновременно.

Конституционный Совет Республики Казахстан принимает активное участие в работе международных и республиканских конференций, семинаров, круглых столов, осуществляет тесную взаимосвязь со средствами массовой информации. В августе 2000 года Конституционный Совет совместно с Парламентом республики подготовили и провели международную научно-практическую конференцию "5-летие Конституции и законотворческий процесс в Республике Казахстан". В истекшем 2001 году Председатель Совета Ю.А. Хитрин выступил на международных научно-практических конференциях, посвященных 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, ноябрь) и проблемам имплементации норм международного права (Минск, июль). Н.И. Акуев выступил на международной конференции "Проблемы конституционной ответственности" в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Председатель и члены Совета приняли участие в работах республиканских конференций, посвященных 10-летию независимости

Республики Казахстан: "Институт президентства в новых независимых государствах", "Правовое развитие Казахстана за 10 лет независимости" и "Государственная независимость Республики Казахстан: вопросы теории и практики".

В республиканских и зарубежных печатных изданиях Председателем и членами Совета опубликованы более двух десятков статей и брошюр. Ежегодно издается Вестник Конституционного Совета, в котором публикуются постановления Совета, послания Парламенту о состоянии конституционной законности в республике и другие материалы.

Регулярно проводятся пресс-конференции, на которых представители средств массовой информации узнают о деятельности Конституционного Совета. Председатель и члены Совета регулярно выступают по республиканскому телевидению, информируя о состоянии конституционной законности в республике.

Конституционный Совет сотрудничает с органами конституционной юрисдикции стран СНГ и других государств.

On the activity of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan

Summary

The article contains information on six-year activity of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan. as establishment of institute of the constitutional control – the Constitutional Council, its formation, structure and the order of assignment of the Chairman, members of the Council and their rotation. Here in their competencies are stated, subjects of the appeal to the Constitutional Council are named, materials about consideration of appeals by the Constitutional Council, about character and specificity of its activity are given.

The legal basis of activity of the Constitutional Council is stated in the Constitution of the Republic of Kazakhstan, and also in the Decree of the President of the Republic, valid as a Constitutional Law, "On the Constitutional Council of the Republic Kazakhstan" and in other acts. The Constitutional Council is independent, not accountable and does not submit to other state bodies and officials. By realizing the constitutional control, is guided by the principles of supremacy of the Constitution and a priority of norms of the international acts ratified by the Republic. The range of examined questions by Council is fixed in the Constitution.

The legal nature of final decisions of the Constitutional Council, including normative decisions, which are law in force of the Republic, is precisely determined. Execution of the final decisions of the Council is connected to their legal nature: they are obligatory in all territory of the Republic, find and not subject to appeal. The constitution allocates only the President of Republic of Kazakhstan with the right of insertion of objections on decisions of the Constitutional Council on whole or some parts that are overcome by two thirds of

voices of the total number of members of the Council. In the legislation, regulating the activity of the Council, the legal mechanism of execution of decisions of the Council is not established. The Decree of the President of the Republic "On the Constitutional Council of the Republic Kazakhstan" allocates the Council with power to determine an order and terms of execution of the decisions. The state bodies and officials should notify the Constitutional Council about work that have been done in order to execute its decisions in time established by the Council.

The Constitutional Council cooperates with all state bodies of the Republic. Their interaction is constructed within the framework of the Constitution and the current legislation of the country. The Council annually submits a message on condition of the constitutional legality in the Republic to the supreme representative body of the Republic - to the Parliament. Moreover on request of the Head of the State - the President of the Republic, the Chairman of the Constitutional Council gives him the information on the condition of the constitutional legality in the country.

The Constitutional Council requests materials and the conclusions from other state bodies, researches a practice of the foreign states, involves experts and specialists before consideration of appeals that are accepted to execution, for full and all-round studying of questions which are put in them.

The Chairman and members of the Constitutional Council actively participate in the program of formation of the respectful attitude of the population to the Constitution of the Republic, observance of its norms and principles. The Constitutional Council regularly publishes "Bulletin of the Constitutional Council of the Republic Kazakhstan". The Council cooperates with bodies of the constitutional jurisdiction of the CIS countries and other states.

М.А. Митюков
заслуженный юрист
Российской Федерации,
профессор

Становление и развитие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (1991-2002гг.)

Конституционное правосудие становится реальностью для субъектов Российской Федерации¹. Десятилетние юбилеи Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) и Конституционного Суда Республики Дагестан – бесспорное доказательство тому. Достаточно дополнить к этому, что возможность создания судебных органов конституционного контроля сегодня предусмотрена конституциями и уставами 56 субъектов Российской Федерации². В непродолжительной и еще незавершившейся истории становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации уже сейчас четко прослеживаются три этапа: 1) рождение идеи и создание первых республиканских конституционных судов (1991-1993гг.); 2) образование специализированных органов конституционного контроля в республиках и областях после принятия Конституции РФ 1993г. (1994-1996гг.) 3) возникновение конституционных (уставных) судов на основе Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996г. “О судебной системе Российской Федерации”³.

Идея создания конституционной юстиции в субъектах Федерации не нова: она реализована в ФРГ⁴. В российской действительности ее рождение и осуществление вызвано многими факторами. Прежде всего, демократизация государства обусловила необходимость поиска более эффективных форм конституционного контроля по сравнению с традиционными, осуществляемыми органами государственной власти. Закрепленный в конце 80-х - начале 90-х годов в прежних конституциях СССР, РСФСР и автономных республик институт комитетов конституционного надзора не получил долговременной перспективы. Комитет конституционного надзора РСФСР так и не был создан. С внесением изменений 15 декабря 1990г. в статью 119 Конституции РСФСР была открыта новая страница в системе развития институтов конституционного контроля в России: постепенно доминирующее положение в нем стал занимать судебный конституционный контроль⁵. В конце октября 1991 года был избран Конституционный Суд РСФСР. Но еще 6 мая 1991г. на заседании Верховного Совета РСФСР признавалось, что учреждение Конституционного Суда РСФСР «не препятствует в республиках создавать собственные органы конституционного контроля» и обеспечивать «охрану своего конституционного строя» собственными силами⁶. Под влиянием этого, а также фактора “суверенизации” в республиках в составе Российской Федерации комитеты конституционного надзора стали заменяться конституционными судами. В этот период вносятся дополнения в конституции

и принимаются законы о конституционных судах последовательно в Дагестане, Саха (Якутия), Кабардино-Балкарии, Башкортостане, Татарстане, Туве и Мордовии, и в первых трех республиках, а также в Мордовии, суды начинают действовать⁷.

Немаловажным фактором, способствовавшим созданию судебных органов конституционного контроля в республиках, явилась и Концепция судебной реформы в Российской Федерации, одобренная по представлению Президента 24 октября 1991 года Верховным Советом РСФСР⁸. Она также вытекало из того положения, что согласно Федеративному договору, конституциям и уставам субъектов Российской Федерации контроль за соблюдением их основных законов относится к исключительной компетенции последних. Поэтому субъекты Российской Федерации вправе были сами устанавливать организационно-правовые формы осуществления этого контроля и до принятия соответствующего федерального акта.

Таким образом, демократизация государства и его судебной системы, а также тенденции к реальному федерализму, сопряженные в некоторых случаях с идеями "суверенизации" республик породили конституционную юстицию в субъектах Российской Федерации. И весьма односторонними выглядят высказывания о том, что суды субъектов федерации возникли "как попытки региональных элит повысить свой собственный статус и приобрести в лице таких судов исполнителей регионального законодательства, "обрасти" собственной юридической инфраструктурой"⁹. Однако становление названной юстиции осуществлялось и осуществляется в сложных социально-политических и экономических условиях и в борьбе, которая порой ставила под сомнение легитимность региональных конституционных судов. Этой проблеме было уделено достаточно внимания на Конституционном совещании 1993г. в ходе доработки проекта ныне действующей Конституции РФ. Многими участниками совещания акцентировалось внимание на то, что конституционные суды в ряде республик существуют, что и необходимо зафиксировать в будущей российской Конституции. Другие, не возражая против учреждения конституционных судов в республиках, не поддержали идею включения этих судов в систему федеральных судов и, соответственно, в Конституцию РФ¹⁰. В частности, на попытку "косвенно" обозначить легитимность конституционных судов республик дополнением статьи 125 проекта Конституции правилом о том, что споры о компетенции между государственными органами республики разрешаются ее конституционным судом, было отвергнуто по мотиву, что этот вопрос не является предметом федерального конституционного регулирования и каждая республика сама может предусмотреть, как его решать¹¹. Здесь же впервые к идее создания уставных судов в краях, областях и округах подвел участников совещания А.А.Заболотников (Приморский край), заявив, что конституционные суды республик "не покрывают" конституционное пространство между субъектами Российской Федерации¹².

Конституцией Российской Федерации 1993г. прямо не предусмотрено создание в ее субъектах конституционных (уставных) судов. Однако косвенно такое право у субъектов вытекает из логики статей 71 (п. "г") и 128

(части 2 и 3) Конституции, предусматривающих образование "системы федеральных судов... судебной власти", "федеральных судов". Отсюда еще до принятия федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" делался вывод о возможности образования и судов субъектов Российской Федерации¹³. Теоретической основой и дальнейшим импульсом для развития конституционного судопроизводства в регионах России стал также и провозглашенный Конституцией РФ реальный федерализм, основанный на равноправии субъектов Федерации, независимо от их государственно-правового статуса.

В 1994-1996гг. уже на новой конституционной основе продолжается процесс становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Предусматривается образование конституционных судов новыми конституциями ряда республик (Адыгея, Бурятия, Коми, Марий Эл, Хакасия). Принимаются законы о конституционных палатах и судах в Республиках Адыгея, Бурятия, Карелия и Коми¹⁴. Изменяется и дополняется Закон о Конституционном Суде Республики Тува и заменяется на новый Закон о Конституционном Суде Республики Дагестан¹⁵.

В этот период к ранее функционировавшим конституционным судам присоединяются подобные суды в Республиках Бурятия, Карелия и Коми. А в Республике Мордовия под влиянием политической конъюнктуры Конституционный Суд ликвидирован в 1994 г.¹⁶

И все же в целом процесс развития конституционного судопроизводства в регионах набирал силу. Новым в организации государственной власти в некоторых краях и областях в эти годы является и попытка учредить собственные специализированные органы конституционного контроля. Возможность создания уставных судов (палат) закреплена в уставах Красноярского края, Воронежской, Московской, Новосибирской, Свердловской, Томской и Тюменской областях. Эта проблема получает положительное решение и в договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти некоторых ее субъектов¹⁷. В Иркутской области была создана Уставная палата, а в Ставропольском крае предусматривается образование Согласительной палаты; обе они представляют собой квазисудебные органы, которые по своей природе ближе к комитетам конституционного надзора, чем к уставным судам¹⁸.

Правда, уставные суды в этот период не получили законодательной базы и не были созданы ни в одном субъекте Федерации.

Другим направлением в развитии судебного конституционного контроля в российских регионах намечалось приспособление к его функциям судов общей юрисдикции. По Конституции Республики Ингушетия ее Верховный Суд признавался высшим судебным органом республики не только в сфере гражданского, уголовного судопроизводства, но и конституционного (ст.83). В Самарской области предусматривалось возложение в некоторых ситуациях на областной суд обязанности рассматривать споры между Губернской Думой и Главой Администрации области по вопросам принятия законодательных актов¹⁹. Уставом (Основным Законом) города Москвы на Московский

городской суд возлагалось официальное толкование законов Москвы (ст.121). Уставом (Основным Законом) Алтайского края (ст.91 и п.11 Переходных положений) предусматривалась альтернатива: конституционное судопроизводство в соответствии с федеральным конституционным законом может осуществлять краевой суд либо местный суд – Уставная судебная палата.

Современный этап становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации связан с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996г. “О судебной системе Российской Федерации”, предусмотревшим, что к судам субъектов Российской Федерации относятся и конституционные (уставные) суды. В этом законе определяется основа статуса судей и порядок создания и упразднения названных судов, их предназначение и финансирование, порядок регулирования в них судопроизводства и юридическая сила принятых ими решений.

Продолжает развиваться правовая основа конституционного правосудия как в субъектах, где соответствующие суды уже действуют, так и в тех, где их образование предполагается в будущем. В соответствии с Конституцией Кабардино-Балкарской Республики 1997 года принят новый Закон “О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики”²⁰. Появились и новые редакции законов “О Конституционном Суде Республики Башкортостан”, “О Конституционном Суде Республики Татарстан”, “О Конституционном Суде Республики Тува”²¹. Внесены изменения и дополнения в Конституционный закон “О Конституционной Палате Республики Адыгея” и Закон “О Конституционном Суде Республики Коми”²². Впервые принят Закон “О Конституционном Суде Республики Марий Эл”²³.

В 1997-1999гг. в Уставы Краснодарского и Приморского краев, Ханты-Мансийского автономного округа, Амурской, Иркутской, Новосибирской, Пермской и Челябинской областей внесены дополнения об уставных судах²⁴. Соответствующие нормы предусмотрены и в принятых впервые Уставах Санкт-Петербурга, Кемеровской и Мурманской областей, Еврейской автономной области²⁵. Вступили в силу законы об уставных судах Красноярского края, Свердловской и Тюменской областей, Ханты-Мансийского автономного округа²⁶. Осуществлялась подготовка аналогичных законов в Алтайском крае, Белгородской, Воронежской, Курганской, Иркутской и Новосибирской областях, Санкт-Петербурге²⁷. Включался этот вопрос в планы законопроектных работ и других областей, в том числе и тех, уставами которых не предусмотрено создание уставных судов²⁸. Вероятно, что это осуществлялось непосредственно на основе ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”.

В 1997-1998гг. формируются и начинают действовать Конституционная Палата Республики Адыгея, Конституционные Суды Республик Башкортостан и Марий Эл и Уставный Суд Свердловской области²⁹. Дискутируется возможность создания конституционных и уставных судов и в других регионах³⁰. Вместе с тем даже там, где конституциями и уставами предусмотрено создание органов конституционной юстиции, продолжают

споры о целесообразности их учреждения (Тува, Хакасия, Воронежская область и др.)³¹.

Другие альтернативные конституционному правосудию институты специализированного конституционного контроля в субъектах РФ в это время не получают развития. Наоборот, с принятием новой редакции Закона "О Конституционном Суде Республики Татарстан" и упразднением Уставной палаты Иркутской области осуществляется тенденция отказа от квазисудебных органов конституционного контроля³². Не распространяется и идея приспособления судов общей юрисдикции к конституционному правосудию, хотя на практике возникает серьезная проблема, связанная с определением пределов проверки этими судами законности актов органов региональной власти³³.

Только Конституцией Республики Алтай, принятой XXI сессией Государственного Собрания - Эл Курултай 7 июня 1997 года, возложено на Верховный и Арбитражный Суды Республики разрешение споров о соответствии Конституции Республики Алтай нормативно-правовых актов государственных органов, уставов и актов органов местного самоуправления (ст.155). Одновременно и в этой республике не исключается возможность образования Конституционного Суда (ст.145)³⁴.

Новый импульс для развития региональной конституционной юстиции дало Всероссийское совещание «Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации» (Москва, 24 декабря 1999г.)³⁵. В 1999-2002гг. расширяется сфера федерального регулирования основных начал конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации. В той или иной мере нормы о конституционных (уставных) судах появляются в федеральных законах «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации», «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»³⁶. В них решаются ключевые вопросы организации конституционных (уставных) судов.

Одновременно расширяется число субъектов Российской Федерации, предусматривающих создание подобных судов. Так, в Удмуртии в связи с переходом от «парламентской» к «президентской» республике предполагается создание Конституционного Суда в качестве «сдержки и противовеса» Главе республики³⁷. Вследствие конституционных изменений в Конституции Республики Ингушетия также появляется норма о Конституционном Суде³⁸.

Путем внесения изменений и дополнений в Конституцию республики в Северной Осетии-Алании вместо Комитета конституционного надзора учреждается Конституционный Суд³⁹. А в Республике Ингушетия исключаются из Основного Закона нормы об осуществлении Верховным Судом конституционного судопроизводства. Этим самым в субъектах Российской Федерации завершился процесс унификации организационно-правовых форм охраны конституции (устава). Единственной формой специализированного конституционного контроля в них стал

конституционный (уставный) суд. В контексте с названной тенденцией находится и переименование Конституционной Палаты Республики Адыгея в Конституционный Суд⁴⁰, хотя первая по своему статусу уже с начала своего учреждения фактически являлась судебным органом.

В эти годы ряд областей и автономных округов, а также Москва, ранее не предусматривавшие уставные суды в своей системе государственной власти, закрепили в уставах возможность их создания⁴¹. Принимаются законы об Уставных Судах Санкт-Петербурга⁴², Москвы⁴³, Иркутской⁴⁴, Калининградской⁴⁵ и Курганской областей⁴⁶. А в ряде областей они разработаны и даже обсуждены в законодательных собраниях⁴⁷. Сформированы и приступили к деятельности Конституционный Суд Республики Татарстан и Уставный Суд Санкт-Петербурга⁴⁸.

В связи с разработкой и обновлением уставов ряда областей продолжилась полемика о целесообразности учреждения уставных судов⁴⁹. В ходе ее порой предлагалось «радикально» расширить полномочия конституционных (уставных) судов и наделить их правом оценки конституций (уставов) субъектов Российской Федерации на соответствие Конституции РФ, а федеральный Конституционный Суд сделать «высшей апелляционной инстанцией» по отношению к названным судам⁵⁰. Высказывалось и мнение об учреждении уставных судов в федеральных округах⁵¹. Противники уставных судов аргументировали тем, что создается «демократическая бюрократическая структура, содержащаяся за счет налогоплательщиков»⁵². При этом не только на практике, но и в доктрине конституционного права игнорировалось существование конституционных (уставных) судов⁵³. И наконец, отмечая «топтание на месте» с расширением пространства региональной конституционной юстиции, высказывалось, что причина не только в проблеме ее финансирования, но и в «нежелании», особенно законодательной власти, иметь над собой контролера⁵⁴.

Серьезным тормозом для развития конституционной юстиции является стремление отдельных ученых и практиков реализовать идею «административные суды вместо уставных». Ими в обиход запускается утверждение о «надуманности и недееспособности последних⁵⁵. Устанавливая в проекте закона подведомственность административных судов, его разработчики «забывают» конституционные (уставные) суды субъектов Федерации⁵⁶. Это один из аспектов, который препятствует образованию не только конституционных (уставных) судов, но и созданию административной юстиции.

Тем не менее по данным Отдела по обеспечению деятельности Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде РФ работа над проектами законов конституционных (уставных) судов запланирована либо ведется в той или иной степени в 25 субъектах Российской Федерации⁵⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что становление и развитие конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации, несмотря уже на десятилетнюю историю, осуществляется сложно и противоречиво. От закрепления в конституции (уставе) до принятия специального закона о

конституционном (уставном) суде, а затем до реального создания суда проходит относительно длительный период времени. Фактически сейчас приняты законы о двадцати одном конституционном и уставном суде из 56, предусмотренных конституциями и уставами субъектов РФ, а реально функционируют эти суды в одиннадцати республиках, одной области и городе федерального значения.

Вместе с тем процесс развития конституционной юстиции не ограничивается только этой количественной характеристикой. Он имеет и качественные параметры. Формально это выражается в обновлении конституционных и уставных норм, законов о конституционных судах шести республик (Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Татарстан, Тува), в неоднократных изменениях и дополнениях всех существующих законов о конституционных и уставных судах субъектов Российской Федерации⁵⁸. Содержательно совершенствовались нормы о порядке назначения (избрания) судей, их статусе, внедрении категории "непостоянных" судей (Адыгея, Ханты-Мансийский автономный округ), о компетенции и особенностях процедур рассмотрения некоторых категорий конституционных вопросов и споров. В большей мере ощущалось влияние федеральных конституционных законов "О Конституционном Суде Российской Федерации" и "О судебной системе Российской Федерации" на формирование законодательной базы регионов о конституционных и уставных судах.

В последние два года полномочия большинства действующих и еще необразованных конституционных (уставных) судов приведены в текстуальное соответствие со статьей 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁵⁹. В некоторых регионах это осуществлено под влиянием «ограничительного» понимания указанной нормы органами прокуратуры и судами общей юрисдикции⁶⁰. Вместе с тем в ряде субъектов РФ сохранена либо дополнена специфика в компетенции названных судов. В частности, Конституционным законом Республики Адыгея от 26 ноября 2001г. «О поправках в статью 101 Конституции Республики Адыгея» был установлен предварительный судебный конституционный контроль проектов нормативных актов, предлагаемых на вынесение на референдум Республики Адыгея⁶¹.

Наряду с этим своеобразные особенности включены и в другие законы о конституционных (уставных) судах субъектов. Так, Уставный Суд Ханты-Мансийского округа не вправе будет осуществлять конкретный нормоконтроль по жалобам граждан и запросам судов: последний заменен абстрактным нормоконтролем, инициируемым этими же субъектами⁶². В Свердловской области из закона исключены положения об окончательности решений Уставного Суда и вступлении их в силу с момента провозглашения⁶³. И наконец, в связи с введением двухпалатной структуры Парламента в Адыгее Конституционным законом Республики Адыгея от 6 июня 2001г. «О поправках в статьи 68-73 главы 4 Конституции Республики Адыгея» отнесено избрание Конституционного Суда к совместному ведению

обеих палат. А в Дагестане установлено избрание судей Конституционного Суда без ограничения срока⁶⁴.

В остальном же развитие регионального законодательства о конституционной юстиции в последние годы шло в направлениях уточнения полномочий судов и процедур рассмотрения в них соответствующих дел, объектов судебного конституционного контроля. Наметилась и тенденция расширения круга субъектов обращения в конституционные (уставные) суды (Башкортостан, Бурятия, Карелия, Марий-Эл, Санкт-Петербург)⁶⁵, что получило положительную оценку в литературе⁶⁶.

Очевидно, что будущее регионального конституционного правосудия зависит от множества факторов политического, финансового, психологического и юридического характера, расширения и разграничения компетенции с судами общей юрисдикции, а в перспективе – и административными судами, осознания электоратом и политической элитой субъектов Федерации необходимости в этих судах.

Formation and development of Constitutional (ustav) Courts of the Russian Federation subjects (1991-2002)

M.A. Mityukov
professor,
Honored lawyer
of the Russian Federation

Summary

The constitutional justice is becoming reality for the subjects of the Russian Federation. In a short time and still uncompleted history of formation of constitutional justice in the Russian Federation subjects, three stages are already clearly being observed:

1) appearance of idea and creation of the first republican constitutional courts (1991-1993);

2) formation of specialized constitutional control bodies in republics and regions after the adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993 (1994-1996);

3) existence of constitutional (ustav) courts on the basis of Federal constitutional law of 31 December, 1996 on "Judicial system of the Russian Federation".

The idea of establishment and realization of the constitutional justice in subjects of the Federation is a result of many factors. First of all, the

democratization of the State was conditioned by the necessity of searching for the most effective forms of constitutional control in comparison with traditional ones, realized by the organs of the state power.

One of the most important factor, promoting the creation of constitutional control bodies in the republics, was also the Conception of judicial reforms in the Russian Federation, approved by the Supreme Soviet of the USSR on submission of the President on 24 October, 1991. It is also the result of the provision, that according to the Federative Agreement, the constitutions and statutes of the Russian Federation subjects, the control over observance of basic laws is exceptional competence of the latter. That is why the Russian Federation subjects were entitled by themselves to establish organizational-legal forms of realization of this control and before the adoption of an appropriate federal act.

In that way, the democratization of the state and its judicial system, as well as tendencies to the real federalism, in some cases connected with the ideas of "sovereignization" of the republics, gave rise to the constitutional justice in the Russian Federation subjects.

After summarizing, it should be mentioned, that the formation and development of constitutional justice in the Russian Federation subjects - in spite of already ten years history - are realizing in complicated and contradictory manners.

It is obvious, that the future of the regional constitutional justice depends on many factors of political, financial, psychological and juridical character, enlargement and division of competencies with the courts of first instance, and in the future with administrative courts, realizing the necessity of these courts by electorate and political elite of the subjects of the Federation.

Н.А. Апиян
зав. кафедрой теории
и истории государства и права ЕрГУ,
доктор юридических наук

Юридический статус личности – основа демократии

Проблема правового статуса гражданина Республики Армения – одна из важных в науке государственного права. Однако государственное право имеет своей задачей рассмотрение лишь основ правового положения граждан Республики Армения, т.е. основных прав, свобод и соответствующих им основных обязанностей граждан Республики Армения.

Правовой статус личности – это действительное, юридически оформленное положение человека в его взаимоотношениях с государством и другими субъектами.

Будучи явлением неоднородным, юридический статус личности образуется из нескольких составляющих. Правовой статус граждан Республики Армения – это совокупность их прав и обязанностей, закрепленных нормами отечественного права.

Фактически юридический статус личности выражен в правах и свободах, которыми человек реально пользуется, и в обязанностях, запретах, обременяющих его.

Права и свободы, известные юридической практике, многочисленны и разнообразны. Роль этих явлений в становлении демократии огромна. Но прежде чем показать их значение для утверждения демократии в обществе, следует определить само понятие права и свободы.

Право – это возможность лица совершать конкретное юридически значимое действие. Например, правом является возможность участвовать в выборах в качестве избирателя или кандидата на выборную должность. Свобода – это возможность совершать все виды юридически значимого поведения в определенной области, за теми изъятиями и ограничениями, которые оговорены законом. Так, осуществляя свободу совести, лицо самостоятельно определяет свое вероисповедание, способы своего общения с религией либо придерживается атеистических убеждений. Понятие между правами и свободами весьма условно.

В Конституции Республики Армения получил глубокое воплощение принцип органического сочетания прав, обязанностей и ответственности личности перед обществом. Он пронизывает, по существу, все содержание Основного Закона нашей страны и предстает как одна из важнейших черт демократии нового образа жизни армянского народа. Идея единства прав и обязанностей, свободы и ответственности имеет основополагающее значение. Она выражает единство интересов гражданина и правового государства, личности и гражданского общества, новые взаимоотношения между ними в условиях правовой государственности. Такое единство объективно свойственно демократическому строю.

Изучение темы о единстве прав, обязанностей и ответственности личности в гражданском обществе можно рекомендовать по следующим вопросам: а) правовое государство и демократия – понятия неразделимые; б) права и свободы граждан как неотъемлемый элемент демократии; в) демократия – воплощение единства прав и обязанностей граждан; г) демократия – форма взаимодействия свободы и ответственности личности перед обществом.

Начнем с того, что правовое государство и демократия – понятия неразделимые. Известно, что демократия – это демократия граждан и для граждан, демократия всего народа. Слово «демократия» в буквальном переводе означает власть народа, народовластие. Именно в этом заключается изначальный и действительно глубокий смысл демократии. Но все существовавшие ранее типы демократии никогда не выступали и не могли выступать в таком качестве, так как не выражали власти всего народа, а напротив, были формой его ограничения. Подлинная власть народа, демократия народа впервые в мире устанавливается в правовом государстве. «Вся власть в Республике Армения принадлежит народу», – говорится в Конституции армянского государства¹. Именно народ, граждане Республики Армения определяют судьбу своей страны, пользуются всеми основными социальными благами. Название «правовое государство» имеет глубокий смысл. Этот факт юридически закрепляется в Конституции Республики Армения. В частности, в статье 1-ой Основного Закона нашего государства сказано: «Республика Армения – суверенное, демократическое, социальное, правовое государство». Тем самым содержание понятия «демократия» приводится в соответствие с реальной действительностью.

Правовое государство невозможно без демократии, а подлинная демократия немыслима вне правового государства. Наивысший расцвет получает демократия в гражданском обществе. В Республике Армения строится такое общество. Гражданское общество – это общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом. Это общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех².

У реальной демократии имеются определенные измерения, свои традиции, нормы и принципы. В основе ее оценки лежат прежде всего материальные критерии: государственная и частная собственность на орудия и средства производства, рыночная экономика, отсутствие административно-командного стиля руководства в сфере хозяйствования, социальная справедливость, возможность участия граждан в управлении государством и культурном строительстве. Это служит надежной гарантией эффективности и устойчивости развития демократии. Такого прочного фундамента не имеет ни одна другая политическая система, претендующая на роль демократической.

Неотъемлемым элементом демократии являются права и свободы граждан. Демократия в качестве органической части включает широкую систему экономических, политических, социальных, культурных и личных прав граждан, которые составляют одну из главных, существенных ее сторон. Можно

сказать, что они служат мерилom, важнейшим критерием реальной демократии, показателем ее зрелости, развития, глубины. Убедительное подтверждение этому – Конституция Республики Армения, в которой законодательно закреплены основные права и свободы людей. Обширный перечень прав и свобод, предусмотренных в Конституции Республики Армения, показывает какими возможностями располагает каждый гражданин Республики Армения в условиях правовой государственности, какое прочное правовое положение (статус) имеет он в армянском обществе, какие социальные позиции занимает в системе демократии. Основным Закон армянского государства закрепляет ныне ряд таких прав, которыми граждане Республики Армения фактически уже пользуются, но которые не были до сих пор оформлены конституционно, например право на жилище, охрану здоровья, право на пользование достижениями культуры, право критиковать недостатки в работе государственных органов и общественных организаций, свобода научного, технического и художественного творчества, право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов, право на судебную защиту от посягательств на жизнь и здоровье, имущество и личную свободу, на честь и достоинство, право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, и др.³ Вместе с правами, которые закреплены в Конституции Республики Армения (право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости; свобода слова, собраний, митингов, уличных шествий; неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и т.д.), они воплощают лучшие чаяния и стремления всего армянского народа, идеалы равенства, справедливости, разумного государственного устройства, идеи действительных прав человека. Важно при этом, что закрепляются не только права, но и твердые экономические, политические, юридические, идеологические и общественные гарантии их осуществления.

При характеристике прав и свобод граждан следует иметь в виду их сравнительную ценность, социальную значимость. Что проку, например, в свободе слова, если человек лишен средств к существованию, если у него нет работы и уверенности в завтрашнем дне? Поэтому правовое государство гарантирует прежде всего такие основополагающие права, как право на труд, без которого, как заметил еще Ш. Фурье, все другие права ничего не стоят⁴. Право на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости или в случае потери трудоспособности, право на медицинскую помощь, охрану здоровья составляют основу жизни и деятельности каждого человека, создают необходимые предпосылки для развития и совершенствования личности.

Научно доказано, что демократия – воплощение единства прав и обязанностей граждан в демократическом обществе⁵. Демократия находит выражение не только в правах и свободах, но и в обязанностях граждан, их ответственности перед обществом и государством. Осуществление прав и свобод, по Конституции Республики Армения, неотделимо от исполнения гражданами своих обязанностей. В частности, из нее видно, что наше

общество обеспечивает сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом. Усилен и расширен раздел Конституции Республики Армения об обязанностях граждан, что полностью соответствует современному уровню их морального и правового сознания, новому образу жизни. Конституция, в частности, содержит требование строго соблюдать законы, защищать собственность, оберегать интересы Республики Армения, способствовать укреплению ее могущества и авторитета, защищать Отечество, уважать права и законные интересы других лиц, быть нетерпимым к антиобщественным явлениям и др. (ст. ст. 8, 16, 46-48). Неуклонное соблюдение этих обязанностей – главная гарантия осуществления принадлежащих гражданам прав.

Предоставление всем одних только прав без каких-либо обязанностей означало бы упразднение всякой свободы и демократии, так как свобода одного неизбежно выступает как мера ограничения свободы других, как следствие их обязанностей. Вот почему необходимо, не забывая о правах и свободах, глубоко раскрыть вторую сторону неразрывного диалектического единства: обязанности, ответственность, общественный долг, дисциплина и организованность граждан, – ибо те широкие права и свободы, которыми они располагают, могут быть успешно реализованы только при выполнении ими своих обязанностей. Без этого никакая демократия невозможна. Граждане свободны потому, что они взаимно обязаны. Разрушить эту связь, значит, по нашему мнению, посягнуть на сами основы права.

Единство прав и обязанностей в нашем обществе является важнейшим принципом, выражающим гармоническое сочетание личных и общественных интересов, взаимную ответственность и взаимные социальные требования, притязания гражданина и правового государства. Тезис о том, что «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», получает здесь реальное воплощение. При этом обязанности, как и права, носят реальный характер и коренным образом отличаются от тех обязанностей, которые декларативно провозглашаются в Конституциях социалистических стран, где государство – чужая для них сила, сила, служащая интересам одной лишь, господствующей во всех сферах общественной жизни партии.

Единство прав и обязанностей отнюдь не сводится только к тому, что в рамках конкретного правового отношения праву одного субъекта корреспондирует обязанность другого и наоборот. Это единство имеет более широкую основу, более широкое значение и более сложный характер. Оно богаче, многограннее, диалектичнее. Принцип единства предполагает, что один и тот же субъект одновременно обладает определенным комплексом прав и обязанностей, что права и обязанности для всех равны (это тоже составляет момент единства), что в них сочетаются личные и общественные интересы, что они обеспечиваются единой системой гарантий. Наконец, в их основе лежит единый базис, социальное и моральное единство гражданского общества. У правового государства существует одинаковая заинтересованность в реализации гражданами как своих прав, так и обязанностей.

Каждый гражданин в силу своего общего юридического статуса обязан соблюдать законы, установленный порядок, предписания правовых норм, запреты, а правовое государство может требовать такого соблюдения и в случае невыполнения или нарушения – наказывать, привлекать к ответственности. В свою очередь, гражданин вправе рассчитывать на защиту со стороны правового государства, создание условий для реализации своих прав и возможностей⁷. Определенные взаимосвязи складываются также между самими гражданами, в результате чего возникают общерегулятивные, статусные (статутные) правоотношения, которые создают общую гармонизацию прав и обязанностей. Все несут обязанности и ответственность перед правовым государством, обществом, друг перед другом. Правовое государство также берет на себя необходимые морально-правовые обязательства по отношению к своим гражданам. Это четко зафиксировано во многих статьях Конституции Республики Армения⁸. Так, в ней предусмотрено, что правовое армянское государство, все его органы обеспечивают охрану интересов общества, прав и свобод граждан, что уважение личности, охрана прав и свобод граждан – обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Из содержания статей, закрепляющих социально-экономические и культурные права, следует, что государство обязуется создавать необходимые условия и гарантии их осуществления⁹.

В единстве прав и обязанностей находит выражение идея социальной справедливости. Каждый имеет не только права, но и обязанности. Это разумно, справедливо. Именно поэтому Ф. Энгельс в замечаниях на проект германской социал-демократической программы в 1891 году писал: «Вместо «за равное право всех» я предлагаю: «за равные права и равные обязанности всех»¹⁰.

В правовом государстве обязанности представляют собой комплекс морально-правовых требований, предъявляемых к личности и вытекающих из объективных потребностей развития и совершенствования общества, самой личности. В раскрытии сущности этих требований категория «необходимость» играет такую же роль, как и для субъективных прав категория «возможность». Однако необходимость не следует понимать как некую повинность, основанную на принуждении, или чужую волю, навязываемую извне. Подавляющее большинство граждан Республики Армения исполняют обязанности добровольно, сознательно, в силу своего внутреннего согласия, убеждения в их разумности и целесообразности. Многие обязанности в условиях правовой государственности выступают, вместе с тем, и как права (например право на управление делами государства и обязанность участвовать в той или иной форме в этом управлении, право должностных лиц на совершение тех или иных действий и обязанность совершить их и т.д.). Здесь поляризация прав и обязанностей в известной мере относительна; по мере развития общества она постепенно ослабевает и в будущем произойдет органическое соединение прав и обязанностей в единые нормы человеческого общежития. Поэтому было бы неправильным какое бы то ни было их противопоставление. Реальная

всемирная демократия – это единство прав и обязанностей, подлинной свободы и гражданской ответственности, гармоничное сочетание интересов общества, коллектива и личности. Право плюс обязанности, свобода плюс ответственность – таков один из основополагающих принципов гражданского общества. Он четко закреплен в Конституции Республики Армения.

Обязанности – конкретная (нормированная) форма выражения ответственности. Будучи предписаниями о должном, они представляют собой четко зафиксированный в законодательном порядке реестр требований, предъявляемых обществом к личности. Этот реестр выражает минимум, а не максимум, так как законом нельзя охватить всего содержания и всех форм проявления ответственности. Юридические обязанности – лишь официальные определители вида и меры желательного поведения, выражение государственной необходимости. Общественно необходимое поведение постулируется в законе как юридическая обязанность, исполнение которой поддерживается авторитетом власти. И в то же время – это выражение свободы индивида, ибо свобода есть мера необходимости¹¹. Обязанности устанавливаются как в интересах общества, так и в интересах самого правообязанного субъекта. Конечно, отдельно взятая юридическая обязанность ограничивает в известной мере свободу индивида, его волю, желания; она может внешне восприниматься им как нечто стесняющее его действия, как форма принуждения. Там не менее обязанность, наряду с правом, – предпосылка свободы и, в конечном счете, выражает собственные интересы ее носителя, даже если он этого не осознает.

Подлежит глубокому изучению, наконец, и следующая проблема: демократия – форма взаимодействия свободы и ответственности личности перед обществом. Известно, что в современных условиях проблема ответственности стоит особенно остро, поскольку неизмеримо возросла роль отдельного человека в общественной жизни, расширились его свобода и вместе с тем зависимость от внешней социальной среды. Чем шире границы свободы и прав личности, тем выше должна быть ее ответственность за использование этой свободы и прав, за все, на что простираются компетенция, полномочия и влияние индивида¹². В наши дни принятие человеком любого решения, выбор того или иного варианта неизбежно связаны с осознанием их последствий, личной ответственности за конечные результаты, за исход выбора.

В основе взаимоотношений личности и общества в условиях правовой государственности лежит принцип, который предполагает, с одной стороны, неуклонное выполнение каждым требований, предъявляемых обществом к личности, а с другой – самостоятельность, инициативу и активность личности. Этот принцип несовместим ни с игнорированием исходящих от общества и правового государства общеобязательных для всех предписаний и установок, ни с системой мелочной опеки и контроля индивида. Последовательное применение такого подхода с позиций теории права может дать единственно правильное сочетание прав и обязанностей, свободы и ответственности, убеждения и принуждения, авторитета власти и подчинения, самостоятельности, почина, инициативы, с одной стороны, и

строгой дисциплины, организованности, связанности поведения членов общества требованиям правовых и моральных норм, правил человеческого общежития – с другой, т.е. органическое сочетание двух неразрывных начал демократии.

Вопрос о свободе и ответственности личности – один из наиболее сложных в деле строительства правовой государственности. Установление правильных отношений между личностью и обществом, создание условий и гарантий для использования прав и свобод, мера допустимых ограничений этих свобод во имя защиты общественных интересов, регулирование коллизий между личностью и обществом имеют большое практическое значение. Об этом наглядно свидетельствуют решения Европейского суда по правам человека¹³.

При этом те или иные ограничения индивидуальных прав и свобод в противоположных социально-экономических системах преследуют различные цели и допускаются в интересах различных социальных групп. Они могут соответствовать или не соответствовать объективному ходу развития общества и, следовательно, иметь в конечном счете прогрессивное или регрессивное значение. Если ограничения свободы ради укрепления общественного строя в условиях тоталитарного режима – факт, не имеющий нравственного обоснования, то в условиях правовой государственности – это факт нравственно обоснованный¹⁴. Реальная демократия не допускает и не может допустить такого понимания и осуществления свободы, которое противоречит интересам граждан, их новому, более прогрессивному строю, их идеологии. Именно поэтому в Конституции Республики Армения записано, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и правового государства, правам других граждан.

В последнее время в отечественной юридической литературе вопросам ответственности, прежде всего правовой, уделяется серьезное внимание¹⁵. При этом ответственность рассматривается в двух аспектах – негативном (ретроспективном) и позитивном (перспективном). Негативный аспект ответственности, т.е. ответственности за уже совершенные противоправные действия, разработан правовой наукой весьма обстоятельно; он подробно регламентируется законодательством. Слабее изучен позитивный аспект ответственности, то есть ответственности за подлежащее исполнению всеми субъектами своих обязанностей, возложенных функций, задач, гражданского долга. Этот аспект проблемы вызывает сейчас большой интерес у социологов, философов, юристов, ибо данный тип ответственности занимает наибольший удельный вес, по существу, охватывает всех правоспособных субъектов и связан с их постоянным правомерным поведением, тогда как ответственность в ретроспективном смысле касается лишь правонарушителей.

Об ответственности граждан, должностных лиц и организаций в позитивном плане говорится во всех важнейших документах, принятых Национальным Собранием и Правительством Республики Армения в последние годы. О ней сказано и в Конституции Республики Армения. Тем самым этот вид ответственности закрепляется законодательно. Следовательно, споры о том, что перспективная (позитивная)

ответственность не носит юридического характера, лишаются всякого основания. Речь идет не об ответственности за те или иные допущенные нарушения, сводящиеся, по существу, к наказанию, а об ответственности как определенном внутреннем состоянии индивида, его отношении к порученному делу, обществу, государству, коллективу, к своему поведению (в настоящем и будущем), чувстве самодисциплины, сознательности. Она вытекает из фактического социально-правового положения (статуса) гражданина и может быть названа статусной (статутной) ответственностью.

Именно позитивная ответственность, основанная на глубоком понимании каждым своего долга, характеризует в наибольшей степени подлинную демократию, ее основные принципы, перспективы развития. И общая тенденция такова, что в будущем этот вид ответственности будет постепенно возрастать вслед за возрастанием уровня сознательности членов нашего общества.

Позитивная ответственность непосредственно связана с повышением социальной активности личности, формированием у нее наиболее ценных качеств. Она способствует укреплению правовой и нравственной основы общества, упрочению законности и правопорядка. Ответственное поведение – это такое поведение, которое характеризуется осознанием необходимости следовать требованиям правовых и моральных норм, уважением к закону, к праву и предполагает активное влияние на ход событий, вклад в общее дело, в развитие общества. Поэтому, заботясь о всемерном развитии личности, прав граждан в нашем обществе, мы должны вместе с тем уделять должное внимание проблемам укрепления общественной дисциплины, соблюдению всеми гражданами их обязанностей перед нашим обществом. Ибо без дисциплины, прочного общественного порядка, надежной законности демократия неосуществима. Именно ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципа народовластия, подлинной свободы личности и защиты ее интересов.

Juridical status of individual – base of democracy

N.A. Apyan

Head of the department
of theory and history of law
of the Yerevan State University,
Doctor of law

Summary

The legal status of individual is a real, juridically registered situation of a person in his/her relationship with the state and other subjects.

The rights and freedoms, well known in juridical practice, are numerous and diverse. It should be determined the notion "right and freedoms" itself. Right is the possibility for a person to make a concrete, juridically defined act. For example, the right is to participate in the elections as an elector or candidate to the elected position. Freedom is the possibility to make all types of juridically defined behavior in the definite sphere, for those exceptions and limitations, which are stated by the law.

The rule of law state is impossible without democracy, and in the contrary, the real democracy is impossible out of the rule of law state.

It is scientifically proved that the democracy is an embodiment of unity of the citizens' rights and obligations in the democratic society. Democracy is expressed not only in the rights and freedoms, but also in citizens' obligations, their responsibility before the society and state.

The problem concerning person's freedom and responsibility is one of the hardest in the case of building a legal State system. Establishment of correct relationship between a person and a society, creation of conditions and guarantees for exercising the rights and freedoms, the measure of admissible limitation of these freedoms for the protection of public interests, regulation of collision between a person and a state have a great practical significance. The decision of the European Court of Human Rights certifies it.

There is other problem that should be deeply studied: democracy is the form of relationship of a person's freedom and responsibility before the society. Wider the scopes of a person's rights and freedom, higher should be his/her responsibility for exercising these rights and freedom.

Therefore, worrying about world development of the individual, human rights in our society, we should to pay due attention to the problems of strengthening public discipline, observance of the obligations before our society by all citizens , because the democracy can not be realized without discipline, durable public order, reliable legality. Just responsible approach of each citizen to his/her obligations, to interests of the people creates the unique hopeful base for the more full embodiment of the principle of sovereignty of the people, real freedom of the individual and protection of his/her interests.

БУРЯТИЯ

К.А. Будаев
Председатель
Конституционного Суда
Республики Бурятия,
заслуженный юрист
Российской Федерации

**Институт конституционного (уставного) правосудия в субъектах
Российской Федерации – важнейший этап в развитии и
совершенствовании принципа разделения властей**

Демократические преобразования в стране, стремление строить правовое, гражданское общество в федеративном государстве, покончить с правовым нигилизмом явились причинами появления в субъектах Российской Федерации конституционных, уставных судов.

В 1991г. Конституционный Суд создается в Дагестане, в 1992 г. – в Башкортостане, Саха (Якутия) и Кабардино-Балкарской Республике. После принятия Конституции РФ в 1993 году, где получили закрепление принципы федерализма, разделения властей, право субъектов Российской Федерации иметь самостоятельные системы государственной власти и свое законодательство, необходимость создания правовых механизмов защиты основных законов субъектов Федерации – конституций и уставов - выявилась еще острее. В ряде иных субъектов, и не только в республиках, появились судебные органы конституционного контроля.

Конституционный Суд Республики Бурятия был образован в январе 1995 года в соответствии с новой Конституцией Республики Бурятия, принятой в феврале 1994 г., в составе Председателя Суда и двух судей. С тех пор Конституционным Судом рассмотрено более 40 дел. Признаны не соответствующими Конституции Республики Бурятия отдельные нормы 15 законов республики, 6 постановлений Верховного Совета, Народного Хурала (Парламента) республики, 4 постановлений Правительства, 1 указа Президента Республики Бурятия. Разрешено 3 правовых спора о разграничении компетенции между органами государственной власти Республики Бурятия. 1 дело было связано с толкованием Конституции Республики Бурятия. По 7 обращениям были вынесены определения о прекращении дел в связи с отменой оспариваемых нормативно-правовых актов или внесением в них изменений до рассмотрения дела Судом. Заседания Суда проходили публично, в отдельных случаях – при участии телевидения. Решения публиковались в СМИ.

Например, Народный Хурал Республики Бурятия 3 апреля 2000 года принял Постановление "О назначении отчета Правительства Республики Бурятия о ходе реализации республиканской программы реформирования жилищно-коммунального хозяйства Республики Бурятия". Президент Республики Бурятия, усматривая в этом нарушение установленного Конституцией Республики Бурятия разграничения компетенции между

органами государственной власти Республики Бурятия, обратился с запросом в Конституционный Суд Республики Бурятия.

Конституционный Суд Республики Бурятия, руководствуясь ст. 5 Закона РФ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 6 октября 1999 года, Постановлениями Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. по Алтайскому краю, от 1 февраля 1996 г. по Читинской области и от 10 декабря 1997 г. по Тамбовской области и ст. 5 Конституции Республики Бурятия признал, что Постановлением Народного Хурала нельзя расширять полномочия Народного Хурала, превращать Правительство Республики Бурятия из самостоятельного исполнительного органа государственной власти в подотчетный орган Народного Хурала и это несовместимо с принципом разделения властей и самостоятельности органов законодательной и исполнительной властей.

За период деятельности конституционные, уставные суды субъектов РФ рассмотрели более 300 дел, особенно много дел рассмотрено Конституционными Судами Республик Саха (Якутия), Карелия, Коми и Уставным Судом Свердловской области. Предупреждая и разрешая споры, конституционные и уставные суды осуществляют толкование конституций и уставов, способствуют формированию оптимальных вариантов взаимоотношений региональной власти и местного самоуправления. В отдельных случаях конституционные, уставные суды становятся дополнительным (к функциям Конституционного Суда РФ) инструментом по защите прав и свобод граждан. Например, Уставным Судом Свердловской области 29 июня 2001 года рассмотрено дело по жалобе гражданки Гончаровой Е.Ю. о соответствии Уставу Свердловской области пункта 1.4 положения "О ликвидации металлических гаражей на территории муниципального образования "город Екатеринбург".

Пунктом 1.4 положения "О ликвидации металлических гаражей на территории муниципального образования "город Екатеринбург" предусмотрено, что владельцы автомобилей, хранящие автотранспортные средства на платных стоянках и не имеющие металлических гаражей, имеют преимущественное право на вступление в гаражно-строительный кооператив.

По мнению заявительницы Гончаровой Е.Ю., оспариваемый пункт носит дискриминационный характер, нарушает конституционные права граждан и не соответствует Уставу Свердловской области.

Уставный Суд области, учитывая, что предоставление преимущественного права на вступление в кооператив и установление льгот, предпочтений для одних категорий граждан, а следовательно, ограничение возможностей, соответствующих прав других, является регулированием гражданских прав, что в соответствии со ст. 71 Конституции РФ находится в исключительном ведении РФ, и оно не входит в компетенцию местного самоуправления, признал данный пункт противоречащим Уставу области. Или Уставный Суд города федерального значения Санкт-Петербурга 3 апреля 2001 года рассмотрел дело о проверке соответствия Уставу Санкт-Петербурга Закона Санкт-Петербурга "О порядке назначения на должности руководителей

территориальных органов Администрации Санкт-Петербурга и их заместителей” по запросу губернатора Санкт-Петербурга, утверждающего, что данный Закон не соответствует Уставу Санкт-Петербурга и нарушает принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Уставный Суд Санкт-Петербурга, руководствуясь ст. ст. 10, 72, 76, 77 Конституции РФ, ст. 24 Закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и ст. ст. 15, 43 Устава Санкт-Петербурга, предусматривающего участие Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в формировании высшего исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга в форме согласования только членом Правительства Санкт-Петербурга признал данный Закон не соответствующим Уставу Санкт-Петербурга, нарушающим принцип разделения властей.

В декабре 1999 года в Москве Администрация Президента РФ провела всероссийское совещание на тему “Проблемы образования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации”. На этом совещании глава Администрации Президента РФ А.С.Волошин очень справедливо отметил, что, с одной стороны, должен быть безусловно соблюден принцип верховенства Конституции РФ и федерального законодательства на всей территории страны. С другой, мы должны сформировать развитую, логичную, прозрачную правовую систему в каждом субъекте РФ, систему, учитывающую специфические особенности региона, “настроенную” на регион, способную эффективно регулировать происходящие в нем процессы.

Правовая система регионов не должна разрывать единое поле конституционного права РФ: она составляет его неотъемлемый федеральный, федеративный аспект. В решении этой непростой задачи гармонизации и сохранения единого правового пространства РФ мы с вами обязаны действовать разумно, взвешенно и согласованно. Далее он продолжил, что, на его взгляд, именно конституционные, уставные суды субъектов РФ – это те критические точки, по которым проходит “передовая линия” правового федерализма. С одной стороны, наличие этих органов в системе властей республик, краев и областей является свидетельством нового этапа развития федерализма и, одновременно, повышения общей правовой культуры в стране. Но, с другой стороны, деятельность органов регионального конституционного судопроизводства может быть, с общенациональной точки зрения, весьма противоречивой.

Конституционные и уставные суды субъектов РФ связаны предметом своей деятельности – конституцией республики, уставом края или области. Именно эти акты вы, уважаемые судьи, призваны защищать, толковать и применять. А ведь если в конституции или уставе субъекта РФ содержатся серьезные, системные “повреждения”, то очевидно, что они с вашей помощью будут систематически тиражироваться и распространяться в законодательстве местного уровня.

Таким образом, вы находитесь сегодня в центре механизмов, в тех “точках региональной юридической активности”, которые могут работать как на укрепление единого правового поля страны, так и, напротив, на наращивание массы законодательства, не соответствующего принципиальным конституционным требованиям. Последнее означает одно – нарушение баланса федеративных отношений, рост центробежных тенденций, разрушение единого государства. Такого, разумеется, нельзя допустить¹.

Практика работы конституционных, уставных судов, действующих в стране за прошедшие годы, показала, что тиражирования и распространения нарушений Конституции РФ и федерального законодательства с их стороны в абсолютном большинстве случаев не было, за исключением единичных случаев, наоборот, конституционные, уставные суды стали выполнять функцию обеспечения соответствия регионального законодательства не только конституции, уставу субъекта, но и Конституции РФ, федеральному законодательству, решениям Конституционного Суда РФ и общепризнанным нормам международного права. Она осуществлялась путем обоснования решения суда положениями Конституции РФ, федерального законодательства, постановлений Конституционного Суда РФ и международных актов.

Если в конституциях и уставах субъектов имелись нормы, противоречащие Конституции РФ, федеральному закону, они попросту не применялись. Казалось бы, в создании и функционировании конституционных, уставных судов в субъектах должны быть заинтересованы и федеральная власть, и власти субъектов, однако на протяжении уже более 9 лет после принятия Конституции РФ, более 7 лет после принятия Федерального конституционного закона “О судебной системе в Российской Федерации” “триумфального шествия” по созданию этих судов не видно. В чем причина? Может, политики, депутаты, ученые и руководители субъектов РФ поделятся своими мыслями по этому вопросу.

Два года назад (в мае 2000 г.) в Комитете по конституционному законодательству Совета Федерации был проведен “круглый стол” по теме: “О совершенствовании законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации, о конституционных и уставных судах субъектов Российской Федерации”. В прошлом году при участии Председателя Конституционного Суда РФ М.В.Баглая председатели и судьи конституционных и уставных судов субъектов РФ встречались с Д.Н.Козаком – заместителем главы Администрации Президента РФ, который под руководством Президента России Путина В.В. и с участием депутатов Федерального Собрания “двигает” вперед судебную-правовую реформу в стране. Мы ему подробно рассказывали о существующих проблемах по формированию и функционированию конституционных, уставных судов субъектов РФ.

Надо отметить, что наши встречи не прошли даром, многие предложения о совершенствовании федерального законодательства о конституционных и уставных судах были приняты федеральными органами власти. Декабрьскими (2001 г.) федеральными законами по судебной реформе и

вступившим в силу в марте 2002 г. Федеральным законом "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" федеральное законодательство о конституционных и уставных судах субъектов РФ немало продвинулось вперед.

Вместе с тем проблема формирования конституционных, уставных судов субъектов РФ остается не решенной до конца. Во многих субъектах до сих пор не создана правовая база для организации судов, хотя в конституциях, уставах 56 субъектов РФ предусмотрено образование этих судов. Одной из причин этого является то, что правовая норма статьи 27 ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" о создании конституционных, уставных судов субъектов РФ носит рекомендательный, а не императивный характер.

Сохраняется неопределенность в вопросе о компетенции конституционных, уставных судов, не разграничены полномочия между ними и вновь создаваемыми административными судами, судами общей юрисдикции. Не отработан механизм исполнения решений конституционных и уставных судов субъектов РФ, не решен вопрос, должны ли законодательные органы субъектов РФ после решения суда отменять свои решения или они считаются утратившими силу со дня оглашения или опубликования. Здесь нет единого мнения: требуется ввести институт обжалования решений конституционных и уставных судов субъектов РФ и др.

В силу этих и других причин назрела необходимость разработки и принятия Федерального закона "Об основах конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации".

О необходимости принятия данного Федерального закона о том, какие вопросы требуют решения на федеральном уровне и других проблемах создания и деятельности конституционных и уставных судов субъектов РФ шла речь на круглом столе, состоявшемся 28 июня 2002 года в Комитете по конституционному законодательству Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Здесь были высказаны предложения:

- с учетом опыта деятельности конституционных судов земель Германии, часть судей конституционных, уставных судов в субъектах РФ избирать на непостоянной основе, т.е. на общественных началах;
- расширить круг субъектов, которые могут обращаться в конституционные, уставные суды;
- добавить к полномочиям конституционных, уставных судов рассмотрение дел о соответствии законов субъектов Российской Федерации не только конституции, уставу субъекта, но и федеральному закону;
- предоставить Конституционному Суду Российской Федерации право отмены решений конституционных, уставных судов субъектов Российской Федерации, принятых ими по вопросам совместного ведения;
- ввести предварительный конституционный контроль отдельных законов субъектов Российской Федерации (например о внесении поправок в конституции и уставы субъектов Российской Федерации), как во Франции и ряде других зарубежных стран;
- отдать часть полномочий Конституционного Суда Российской Федерации конституционным, уставным судам субъектов РФ, например рассмотрение дел

о соответствии законов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации;

– дать право обращения в конституционные, уставные суды субъектов Российской Федерации представителям Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы и территориальных федеральных органов исполнительной власти;

– жалобы граждан о соответствии законов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству и Конституции Российской Федерации предварительно рассматривать в конституционных, уставных судах субъектов Российской Федерации;

– четко расписать в федеральном законе исключительные полномочия конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации, а дополнительные полномочия оставить на усмотрение субъектов Российской Федерации;

– предусмотреть рассмотрение дел в конституционных, уставных судах субъектов Российской Федерации по первой инстанции в составе трех судей, а в апелляционной, кассационной инстанциях – в полном составе суда и дополнительно с участием судей конституционных, уставных судов, находящихся в отставке и ученых-специалистов по конституционному праву.

Заслуживают поддержки предложения Председателя Уставного Суда г. Санкт-Петербурга, профессора Н.М. Кропачева о необходимости принятия Федерального конституционного закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» был бы дополнен новым разделом «Основы конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации». Может быть изменено и само наименование Закона, например: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации и об основах конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации»². Он же предлагает включить в компетенцию конституционных, уставных судов дела о соответствии конституции, уставу субъекта Российской Федерации нормативных договоров (соглашений), заключенных с иными субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также по спорам о компетенции между органами государственной власти одного субъекта Российской Федерации. Дополнить этот перечень делами по спорам о разграничении компетенции между органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления, расположенными в границах этого субъекта³.

Вполне разделяю мнение судьи Конституционного Суда Республики Карелия А.Киннера: «Признавать закон или иной нормативный акт не соответствующим требованиям Конституции в процессе гражданского судопроизводства нельзя, так как его нормы рассчитаны на разрешение индивидуального спора»⁴.

Права, конечно, А.Павлушина, когда обосновывает, что невозможно сохранение абстрактного нормоконтроля в рамках гражданского

судопроизводства, для осуществления контроля за содержанием законодательства специально создано конституционное судопроизводство, что наиболее предпочтительным вариантом было бы осуществление абстрактного нормоконтроля только специальными судами – Конституционным Судом Российской Федерации, конституционными (уставными) судами субъектов Федерации⁵.

Конечно, только Федеральным законом “Об основах конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации” или внесением изменений в Федеральные конституционные законы «О судебной системе в Российской Федерации» и «О Конституционном Суде Российской Федерации» можно разрешить имеющийся научный спор по разграничению полномочий между конституционными, уставными судами, судами общей юрисдикции и вновь создаваемыми административными судами в Российской Федерации.

Эти предложения, конечно, требуют предварительного изучения и учета в ходе проводящегося второго этапа судебной реформы (2001-2006 гг.), при создании в стране системы административных судов и при новом подходе по разграничению полномочий между Федерацией и ее субъектами.

**Institute of the constitutional (ustav) justice in the subjects of the
Russian Federation –
the most important stage in development and perfection of the principle
of separation of powers**

K.A. Budaev

President of the Constitutional Court
of the Republic of Buryatia,
Honored lawyer of the Russian Federation

Summary

After adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993, where stipulated the principles of federalism, separation of powers, the right of the Russian Federation subjects to have independent system of state power and own legislation, the necessity of establishment of legal mechanisms of fundamental laws protection of subjects of the Federation – Constitutions and Statutes – became sharper. In the number of subjects the judicial organs of constitutional control were established.

In conformity with the new Constitution of the Republic of Buryatia, adopted in February, 1994, in January, 1995 the Constitutional Court of the Republic of Buryatia was founded in composition of the President and two judges of the Court. Since that the Constitutional Court has considered about 40 cases.

In the period of the activity the constitutional, ustav courts of the subjects of the Russian Federation have considered more than 300 cases. Deciding the

disputes, the constitutional and ustav courts realize the interpretation of the Constitutions and Statutes, promote the formation of optimal variants of the relationship between regional power and self-governance. In separate cases, the constitutional and ustav courts have become a subsidiary (to the functions of the Constitutional Court of the Russian Federation) instrument for the protection of the citizens' rights and freedoms.

In December, 1999 the Administration of the President of the Russian Federation held in Moscow the Pan-Russian Conference dedicated to "The problems of formation of constitutional (ustav) courts of the Russian Federation subjects". At this conference the Head of the Administration of the President of the Russian Federation A. S. Voloshin noted that the constitutional and ustav courts of the Russian Federation subjects are connected with the subject of its activity, Constitution of the Republic, Statute of krai and region. Exactly these acts should be protected, interpreted and realized by the judges.

But the problem of formation of constitutional and ustav courts of the Russian Federation subjects remains unsettled.

The mechanism of execution of constitutional and ustav courts decisions of the Russian Federation subjects is not cultivated, the question, whether the legislators of the Russian Federation subjects should disaffirm their decisions after court's decision or they become invalid since the day of announcement and publication, is undecided. There is no single opinion, it is necessary to establish the institute of appeal of the constitutional and ustav courts decisions of the Russian Federation subjects and etc.

Proceeding from these reasons, the Federal Law "On the basis of constitutional justice in the Russian Federation subjects" should be cultivated and adopted.

Г.А. Василевич
Председатель
Конституционного Суда
Республики Беларусь

**Отражение правовых принципов в Послании и иных решениях
Конституционного Суда**

Конституционный Суд Республики Беларусь, согласно законодательству, обязан ежегодно принимать и направлять послание в адрес Президента Республики Беларусь, а также Палаты Представителей и Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь.

В принятом 5 февраля 2003 г. Послании "О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2002 году" отражены наиболее важные аспекты развития правовых отношений (правотворчества и правоприменения) в ушедшем году.

Как известно, основная задача Конституционного Суда – осуществлять контроль за конституционностью нормативных актов в государстве и содействовать таким образом утверждению верховенства права как высшего проявления справедливости в обществе.

В принятом Послании Конституционный Суд обратил внимание на улучшение в правотворческой и правоприменительной деятельности. Новым моментом, существенно отличающим это Послание от предыдущих, является то, что в нем внимание сосредоточено на необходимости руководствоваться принципами правового демократического социального государства и утверждать на практике.

Опыт работы органов конституционного контроля европейских стран свидетельствует о том, что они не ограничиваются позитивистским пониманием права, но также рассматривают принципы права как самостоятельные источники, позволяющие оценивать акты текущего законодательства.

Указанные в Послании общие принципы не являются антиподом позитивного права. Не отвергая "генетическую" связь принципов с писаными текстами законодательства, все же следует иметь в виду, что принципы приобретают все более самостоятельное значение. Они признаются в западных странах в качестве источников регулирования общественных отношений. Осуществление правосудия предполагает заполнение пробелов, нахождение решения и при неясном изложении закона.

Конституционный Суд Республики Беларусь впервые в своем Послании сконцентрировал свое внимание на достаточно широком спектре правовых принципов, которые должны учитываться не только при подготовке проектов нормативных актов, но и толковании актов законодательства, разрешении конкретных споров.

В последнее десятилетие в Республике Беларусь произошло существенное "накопление" законодательного массива, создано собственное, национальное законодательство, которое время от времени обновляется, что позволяет приближать его к современным требованиям. Однако не только в нашей правовой системе, но и в странах с давними демократическими традициями имеются недостатки в писаном праве, которое развивается порой противоречиво. Поэтому обращение к общим принципам права позволяет своевременно реагировать на потребности жизни. Как справедливо отмечается в литературе, правовые принципы "служат инструментом оценки действующего права, его исправления и дополнения". Значимость правовых принципов возрастает во время широкомасштабных изменений в обществе, когда законодательство не поспевает за потребностями общественного развития, более того, часто противоречит возникающим новым ценностям.

В результате принятия в 2002 году 40 решений, рассмотрения многих сотен обращений граждан, общественных объединений, субъектов хозяйствования Конституционный Суд утверждал верховенство норм правового демократического социального государства.

Проблемам становления и развития правового государства в юридической, философской, политологической литературе уделяется в последние годы большое внимание. При этом важно иметь в виду, что содержащееся в ст. 1 нашей Конституции определение белорусского государства как правового налагает соответствующие обязанности на правотворческие органы, а также на тех, кто непосредственно исполняет нормы актов законодательства (государственные органы, должностных лиц, граждан).

В целом, чтобы граждане, субъекты хозяйствования чувствовали себя комфортно, необходимо иметь государственно-правовую систему, в которой обеспечивается оптимальный баланс интересов государства, общества и отдельного гражданина. По существу, мы можем говорить о необходимости максимального приближения стран молодой демократии к тому эталону правового государства, который сложился в ряде западных европейских стран (Германия, Франция и др.). Основой для такого движения и являются принципы правового государства, сформулированные либо "выводимые" из текста Конституции Республики Беларусь, международных документов, прежде всего посвященных статусу человека и гражданина.

Важнейшим принципом правового государства является принцип верховенства права. Существуют различные взгляды, точки зрения относительно определения права. Мы полагаем, что выражением правовых ценностей является такой "позитивный" документ как демократическая по своей сути Конституция. Для правового государства характерна "связанность" государственных органов, должностных лиц не только актами, обладающими более высокой юридической силой, но и собственными юридическими актами. В этой связи важно обеспечить "выстраивание" всей иерархии правовых актов в соответствии с Конституцией, смысл которой, ее толкование и применение должно осуществляться в соответствии с общепризнанными принципами правового государства.

Правовое государство базируется на разделении и взаимодействии властей. Наиболее отчетливо этот принцип реализуется в законотворческой сфере. Это касается не только принятия Парламентом и подписания Президентом законов, но и области международно-правовых отношений (подписание международных договоров Главой государства и их ратификация Парламентом) и т.д., но и разграничения сферы законодательного регулирования. У нас еще не вполне упорядоченные отношения в области издания декретов и законодательного регулирования тех же отношений Парламентом. Актуальным остается вопрос о соотношении кодексов и декретов, законов и декретов, законов и указов. На практике трактуют эти нормы не всегда верно. Оптимальным путем разрешения споров в этой области могло бы быть официальное толкование Парламентом норм статей 97 и 101 Конституции Республики Беларусь.

Кстати, следует иметь в виду, что есть сферы, в которых позицию должен высказывать законодатель, его воля не должна подменяться разъяснениями иных органов, например Конституционный Суд Республики Беларусь 12 ноября 2002 г. вынес решение "Об определении понятия "доход" для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности"¹.

Понятие "доход" от незаконной уголовно-наказуемой предпринимательской деятельности" было определено Постановлением Пленума Верховного Суда от 28 июня 2001 г. № 6 "О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности"². Судам разъяснено, что под таким доходом следует понимать всю сумму выручки в денежной либо натуральной форме без учета затрат на ее получение. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении.

В общем-то, необходимость дачи толкования понятия "доход" от незаконной предпринимательской деятельности" существует: в различных законодательных актах дается различное определение "дохода", в зависимости от целей, для которых это понятие применяется. Допуская такой подход (хотя все же желательно иметь универсальное определение, применимое как можно к большему кругу отношений), Конституционный Суд обратил внимание на то, что официальное толкование уголовно-правовой нормы должно быть осуществлено законодателем. Национальное Собрание вправе также дополнить Уголовный кодекс соответствующей нормой, раскрывающей понятие "доход".

Это обусловлено тем, что Уголовный кодекс является единственным законом, действующим на территории Республики Беларусь, нормы УК подлежат строгому толкованию, а применение уголовного закона по аналогии не допускается.

На дачу разъяснений УК либо принятие закона о соответствующей его корректировке нацеливает и закон "О нормативных правовых актах Республики Беларусь"³ (ст. 72).

Конституционный Суд отметил, что для целей единообразного и точного, основанного на законе, применения судами терминов, используемых в УК,

только законодатель вправе определить понятие "доход" применительно к незаконной предпринимательской деятельности, а также к другим преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности.

В определенной мере ответ на вопрос о соотношении декретов и законов, декретов, законов и кодексов, новых и старых актов, общих и специальных дает Конституция и закон о нормативных правовых актах. Однако вопросы, как показывает практика, остаются, когда с принятием нового акта одновременно не корректируются соответствующие нормы других актов либо эта корректировка недопустимо затягивается и тем самым нарушается системность законодательства, оно становится лоскутным, хаотичным, внутренне противоречивым.

Декреты, как того требует часть третья статьи 101 Конституции, должны издаваться в силу особой необходимости. Если есть возможность в период работы сессии принять закон, объявив его срочным, то, по мнению автора, следует щадяще относиться к праву Президента принимать такого рода акты. Обратите внимание, что такой вид актов, как декреты, издается по самым непопулярным вопросам. Президент берет на себя все последствия принятия такого акта. Но благородство тоже имеет определенные границы и последствия. Это – во-первых, а во-вторых, мы часто и не знаем, кто инициирует такого рода акты, их авторы остаются в тени и тогда, когда в течение недель и месяцев все язвительные стрелы летят в адрес того, кто подписал акт. Представляется, что внесение предложений Президенту об издании декрета должно быть глубоко продуманным и обоснованным, когда другие варианты решения вопроса исключены. В то же время в силу своего статуса Президент вправе издавать обеспечивающие исполнение Конституции и законов правовые акты во всех случаях, когда отсутствуют иные предназначенные для этого механизмы, в том числе и в целях восполнения пробелов по причине бездействия законодателя. Для "упорядочения" взаимоотношений Парламента и Президента в области законодательства можно было бы принять закон о толковании ст. 101, разрешив в нем вопрос об издании декретов в период сессии либо нежелательности их издания сразу после принятия кодексов, законов. Тогда бы были сняты те сомнения и споры, о которых все хорошо знают.

Как известно, новый закон имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому. Это же правило работает и в отношениях "декрет – закон". А как же соотносятся кодексы, законы и декреты? Необходимо напомнить, что согласно статье 10 закона о нормативных правовых актах, который вступил в силу 21 января 2000г., кодексы имеют более высокую юридическую силу по отношению к другим законам. Декрет имеет силу закона.

В правовом государстве, т.е. таком, где есть эффективное управление, одним из важнейших является принцип непридания актам, устанавливающим или усиливающим ответственность, обратной силы. Эта основополагающая идея правового государства закреплена в части пятой ст. 104 Конституции. И хотя в данной норме речь идет о законах, однако указанный принцип имеет универсальный характер и распространяет свое действие на все акты

законодательства, т.е. декреты, указы, постановления Правительства, акты министерств, ведомств, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов. Здесь много недостатков и огромное поле деятельности для Конституционного Суда, а также органов Прокуратуры, на которые возложено осуществление, соответственно, контроля и надзора за конституционностью и законностью правовых актов.

Конечно, могут быть и изъятия из принципа непридания акту обратной силы, например, когда речь идет о расширении для граждан преимуществ, основанных на законе.

Отступление от принципа недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение участников общественных отношений, приводит к нарушению других принципов правового государства, а значит, прав и свобод граждан. В этом случае нарушается принцип доверия гражданина государству. Государство, по существу, произвольно посягает на уже приобретенные и охраняемые права.

Усилия органов законодательной и исполнительной власти, Конституционного Суда должны быть направлены на утверждение в повседневной практике не только принципа непридания обратной силы закону, но и поддержание доверия гражданина к государству при осуществлении его органами правотворческой функции, а также защиту приобретенных прав.

Важнейшим требованием оптимального управления является принцип информированности граждан о принятых актах законодательства. У нас, полагаю, неправильно исполняется конституционное положение, предусмотренное в части шестой ст. 104 Конституции, согласно которому законы вступают в силу через 10 дней после опубликования, если иное не предусмотрено законом. Анализ этой нормы позволяет сделать вывод, что правилом, а не исключением, должно быть установление соответствующих переходных сроков для вступления в силу новых правовых актов. Особенно это должно касаться сферы налогового законодательства. На деле часто все обстоит иначе. Неверной является сформировавшаяся практика введения актов в действие со дня опубликования. Это допустимо делать лишь в исключительных случаях либо когда акт касается статуса органов государственной власти.

Закрепление в законодательстве прав граждан и их реализация должны иметь стабильный характер. Гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия своего решения. Вряд ли мы имеем основания утверждать об эффективности управления, если само законодательство нестабильно, подвержено конъюнктурным корректировкам. При этом нельзя искусственно "консервировать", сохранять акты неизменными, устанавливая какие-либо искусственные запреты на их корректировку, например, определяя срок, в течение которого недопустимо вносить изменения и дополнения в ранее принятый правовой акт.

Нормативные акты должны быть понятными для правоприменителя, а не являться юридическими "головоломками". Именно по причине неясности

нормативные акты могут быть оспорены в Конституционном Суде. Когда норма права сформулирована неясно, необходимо весьма осторожно подходить к вопросам ответственности конкретных лиц. Законодательство должно быть стабильным, но не в плане его консервации, а принятия таких юридических актов, которые бы предвосхищали потребности завтрашнего дня. Следует исключить нормотворческую "круговерть". Стабильное современное законодательство – залог стабильного развития государства и общества.

Нам следует добиться системности законодательства, исходя из тех целей, которые провозглашены в преамбуле Конституции. Законодатель в лице Парламента призван устанавливать основополагающие принципы правового регулирования. Приоритетность закона не в механическом увеличении удельного веса законов в правовой системе, а в решении им основных, наиболее важных вопросов.

Важно, чтобы предмет законодательного ведения был достойным закона. Правильный выбор формы акта имеет принципиальное значение. Результатом правотворческих предписаний должна быть определенность их содержания, ясность формулировок и их доступность для понимания. Без этого также трудно добиться эффективности в сфере управления.

В правотворческой и правоприменительной деятельности должен учитываться принцип пропорциональности ограничения того или иного права достигаемым целям.

Принцип пропорциональности имеет самостоятельное значение. Ограничения должны быть необходимыми, законодателю следует выбирать наименее обременительное средство ограничения прав. Принцип пропорциональности должен рассматриваться как допущение такого вмешательства в права и свободы, которые конституционно необходимы. Основой для определения законности действий является ст. 23 Конституции, а также положения международных документов о правах и свободах граждан.

Если касаться уголовно-правовой или административно-правовой сферы, то здесь с наибольшей степенью значимости должен применяться принцип пропорциональности. Мера ответственности должна быть адекватна тяжести содеянного. Речь идет не только о сроках лишения свободы, но и об административной ответственности. Например, сохраняя свою карательную функцию, административные штрафы не должны иметь "разорительный" характер. В сфере уголовно-процессуальных отношений актуальной остается проблема принятия решения о заключении под стражу до суда при условии, что ограничение в данном случае свободы будет мерой, пропорциональной характеру предполагаемого преступления и тому наказанию, которое влечет совершение такого преступления. Скептически отношусь к периодическому принятию законов об амнистии, т.к. изначально вынесенный судом приговор должен быть точным (справедливым). В то же время следует нормализовать условия содержания не только заключенных, но и задержанных до суда. До "нормализации" условий содержания лиц в местах предварительного заключения следует изменить порядок зачета срока пребывания под

стражей, увеличивая его на коэффициент "переполненности" мест предварительного заключения. Такое предложение обусловлено и тем, что в новом Уголовно-исполнительном кодексе Республика Беларусь взяла на себя обязательство по соблюдению международных стандартов содержания заключенных.

С рассматриваемой проблемой тесно связан и вопрос необоснованного "льготирования" тех или иных категорий граждан, субъектов хозяйствования. Сложившаяся за многие десятилетия широкая система льгот уже давно не отвечает современным реалиям, тормозит экономическое и социальное развитие, порождая иждивенчество. В Республике Беларусь предусмотрено более 200 видов льгот, которые ориентированы на 7 млн. человек. В данной области действует около 900 нормативно-правовых актов. Наибольшее число граждан пользуется льготами по проезду (6,7 млн. чел.), налогообложению (5,3 млн. чел.), медицинскому и санаторно-курортному обслуживанию (4,9 млн. чел.). Льготы инвалидам по обеспечению транспортными средствами касаются 25,3 тыс. чел. Анализ существующей системы льгот свидетельствует о настоятельной потребности ее пересмотреть, сохранив лишь те из них, которые имеют под собой объективную основу.

Важнейшим правилом правотворческой деятельности должно стать прогнозирование последствий принятия правовых решений, к какой бы области оно не относилось (пенсионная система, труд, уголовная или административная ответственность и т.п.).

Безусловно, право не должно быть "всепроникающим". Следует сменить ориентиры. В основе правового регулирования надо шире использовать не разрешительный, а запретительный порядок, т.е. не перечислять, что можно сделать, а указывать, от чего гражданин должен воздерживаться.

Необходимо развивать местное самоуправление. Эффект правового регулирования будет наибольшим при нахождении оптимального соотношения между централизованным и децентрализованным регулированием. Причем местное самоуправление должно быть реальным. Ссылки на то, что необходимо изменить условия и порядок формирования местных доходов, правильные, однако уже сейчас иждивенческие настроения и граждан, и управленцев местного уровня приводят к тому, что на региональном уровне не решаются элементарные вопросы, не требующие, по сути, вмешательства органов республиканского или областного уровня.

Эффективность права в обеспечении развития личности зависит от многих факторов. Актуальными являются: адекватность правового регулирования потребностям общественного развития предсказуемость развития права; равенство всех перед законом и судом; гарантированность правосудия (право на объективный, беспристрастный и независимый суд); право на квалифицированную юридическую помощь, на презумпцию невиновности; прогнозирование последствий принятия нормативных актов.

Для правового государства характерно создание отлаженного механизма восстановления нарушенного права. Считаю, что абсолютное большинство судей, прокурорских работников стремятся надлежащим образом выполнять свои функции. Суд действительно должен быть независимым,

беспристрастным и компетентным. Этому содействует бессрочный характер назначения судьи на должность, что всегда поддерживалось Конституционным Судом Республики Беларусь. Вместе с тем полагаем, что увлечение анализом так называемой судебной волокиты уводит часто в сторону от решения другой, самой важной задачи – правильности отправления правосудия. Надо бояться не отмены судебных постановлений, а сохранения неправосудных постановлений. Вот над этим надо всем вместе работать. Конечно, пока судебное постановление не отменено, оно должно исполняться. Другого утверждения быть не может.

На девятом году действия новой Конституции, к сожалению, не все должностные лица усвоили содержание ее норм и, в частности, того, что право на судебную защиту является неотъемлемым правом каждого человека. На этом пути еще много препятствий, надуманных отказов со ссылкой на пробелы в законодательстве, хотя ст. 60 Конституции прямо закрепляет право каждого на обращение в суд. В 1997-98 гг. Конституционный Суд принял несколько решений, которыми подтвердил право граждан на защиту их прав не только в административном, но и судебном порядке. Однако проблемы еще остаются. Например, Конституционный Суд дважды обращался к вопросу о праве осужденных к лишению свободы на судебное обжалование наложенных на них взысканий, по существу, подтвердив это право. Однако нормы Конституции и решения Конституционного Суда судами не исполняются. Тем самым они показывают пример правового нигилизма.

В современном правовом государстве активно действуют органы конституционного контроля, которые "помогают" направить нормотворческую практику в правовое русло.

Специализированные органы конституционного контроля, созданные в европейских странах, являются важнейшими (опорными) элементами всей системы сдержек и противовесов, удерживающими всю конструкцию государственно-правового механизма. Эта же задача стоит и перед Конституционным Судом Республики Беларусь. Именно для этих целей он наделен правом вынесения заключений не только о конституционности нормативных актов, но и относительно систематического или грубого нарушения Парламентом Конституции. Он также может привлекаться для принятия соответствующих решений по отношению к местным Советам депутатов.

Одним из важнейших свойств современных (демократических) Конституций, одним из условий существования конституционного строя является непосредственное действие конституционных норм, их верховенство по отношению ко всем иным актам законодательства. Конституционный Суд как раз и призван посредством проверки на соответствие Конституции нормативных актов утверждать верховенство конституционных норм и их реальное, прямое действие.

Конституционный Суд Республики Беларусь, основываясь на собственном опыте, практике работы Европейского суда по правам человека, органов конституционного контроля других стран, используя достижения науки (тем

более что доктрина у нас пока не рассматривается в качестве источника права), рождает надпозитивное право, т.е. принципы и правовые идеи, которые должны становиться основополагающими в нашей правовой системе и развивать ее дальше. Конституционный Суд Республики Беларусь в силу своего статуса и стоящих перед ним задач формирует новую философию права, новое правовое мировоззрение, утверждает справедливость и равноправие.

Наличие Конституционного Суда и его деятельность по обеспечению верховенства права свидетельствует о демократическом характере нашего государства, стремлении развивать такой конституционный строй, который по своему содержанию отвечает международным стандартам, среди которых наиболее важным является признание прав и свобод высшей ценностью. При этом отметим, что потребность в конституционном контроле будет существовать до той поры, пока создавать и исполнять законы будет человек со своими положительными свойствами и недостатками. Работы для органов конституционного контроля всегда хватит, по крайней мере до той поры, пока Конституция будет оставаться стержнем всей правовой системы. При этом и конституционные нормы будут постоянно развиваться, обогащаясь новым, более современным содержанием. Даже в государствах с устойчивыми демократическими традициями деятельность по конституционному контролю является весьма интенсивной. Например, Конституционный Суд Германии ежегодно выносит более трех тысяч решений, при этом, правда, только около половины процента решений влечет признание проверенного акта неконституционным. Несколько в ином ритме работают конституционные суды стран Восточной Европы и СНГ. Конституционный Суд Республики Беларусь, если оценивать его работу по количественным показателям, находится среди них в числе крепких "средняков".

Объективная закономерность создания и деятельности Конституционного Суда заключается в том, что права и свободы граждан, их отношения с государством и обществом будут постоянно совершенствоваться, будут изменяться их объем и содержание.

Процессы глобализации, которые вовлекают в свою орбиту все больше государств и более широкие слои населения, неизбежно породят не только позитивные моменты, но и проблемы, над решением которых вынуждены будут работать управленцы, экологи, финансисты, специалисты в области социальной психологии, а также юристы. Вновь актуальными станут вопросы о праве наций на самоопределение, на свою государственность, на право пользования родным языком и др. Конституционные суды уже в ближайшее время столкнутся с проблемами реализации свободы научного творчества, видимо, здесь могут быть ограничения. Так, достижения научно-технического прогресса, влияющие на статус человека, деформирующие его природу (например в области клонирования, трансплантации человеческих органов, использования стимуляторов для кормления животных, выращивания растений, в последующем используемых в питании и т.д.), поставят новые задачи и перед конституционалистами, теми, кто занимается правами

человека, по разрешению возникших конфликтов. Сделать это на научной основе, оценить с точки зрения права может только Конституционный Суд.

Национальное законодательство и правоприменительная практика стран молодой демократии, к которым относится и Республика Беларусь, еще не достигли полного соответствия действующим международным стандартам в области прав и свобод человека, исполнения обязанностей. Процесс такого сближения нуждается в постоянном контроле конституционных судов, отличительной особенностью работы которых является сочетание основательных, теоретических научных подходов с глубоким знанием практики, реалий жизни. В этом отношении для деятельности Конституционного Суда неприемлемо широко используемое изречение: "Пусть погибнет мир, но восторжествует юстиция". Безусловно, Конституционный Суд должен стремиться к торжеству юстиции (справедливости), но кому она (справедливость) будет нужна, если погибнет мир? Поэтому в практике Конституционного Суда должно быть обеспечено такое верховенство права, которое отвечает современным о нем представлениям без "витания" в заоблачных далях.

Одной из ближайших задач для нашего государства является установление более тесного сотрудничества с Советом Европы и вступление в эту организацию на правах полноправного члена. Основным документом, интегрирующим европейские страны в области прав и свобод человека, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. По своей глубинной сути содержащиеся в ней нормы являются базовыми для развития законодательства европейских государств и практики его применения. Уяснению этих норм, а в конечном итоге и, "перенесению" на национальную почву государств, входящих в состав Совета Европы, способствует деятельность Европейского суда по правам человека. Его решения следует рассматривать в качестве источника права, они играют роль прецедентного права.

Часто определение одного термина или слова в результате вынесения решения Европейского суда влечет изменения в длинной правовой "цепочке" норм. Например, решения, определяющие судебные разбирательства в разумные сроки. Учитывая, что обычно одной из основных тем обсуждения на пленумах и других заседаниях высших судебных инстанций является волокита, проблема является острой и для нас. Ориентиром для правильных оценок могут быть определения Европейского суда.

Конституционный Суд Республики Беларусь — первый из государственных органов, который формировал собственную позицию, ориентируясь на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и практику работы Европейской комиссии по правам человека и Европейского суда по правам человека. Люди консервативного склада ума могут возразить: Европейская конвенция для нас необязательна. Формально это так. Но в нашей Конституции, помимо закрепления приоритета общепризнанных принципов международного права (на наш взгляд, они должны предопределять трактовку конституционных норм), имеется прямая запись о верховенстве права. Этот принцип налагает соответствующие обязанности не

только на нормотворческие, но и на судебные органы и, в первую очередь, на Конституционный Суд Республики Беларусь. Суды обязаны по Конституции осуществлять не законосудие, а правосудие, и, в общем-то, сам законодатель их к тому обязывает, когда устанавливает правовые возможности судебного усмотрения. Отметим, что концепция судебного усмотрения в нашем праве не разработана, а судебная практика и осуществляемый над ней контроль еще имеют недостатки. Можно в этой связи вспомнить "волнообразный" подход в прошлом к оценке судебной практики, например, в сфере применения норм об уголовной ответственности. Были периоды, когда оценивали деятельность судов при назначении наказания то как слишком мягкую, то, наоборот, через год – два как недопустимо жесткую. К сожалению, не выработаны, а в большей мере не внедрены на практике объективные критерии разумной политики государства в сфере уголовно-правовых отношений. Определенным свидетельством "брака" государственных органов в этом деле является систематическое издание (почти ежегодное) законов об амнистии. Сами по себе эти акты могут приниматься не для уменьшения критической массы заключенных в местах лишения свободы, а, действительно, в силу каких-то значимых событий. И в то же время суды должны назначать справедливое наказание, продолжительность которого должна определяться тяжестью совершенного уголовно-наказуемого деяния, а, возможно, и тяжестью условий содержания в таких местах, коль скоро государство взяло на себя обязательства по обеспечению не только общепризнанных принципов (см. ст. 8 Конституции), но и норм международного права, международных договоров Республики Беларусь, относящихся к исполнению наказания и обращению с осужденными (ст. 3 УПК), но пока не в состоянии исполнить это правовое предписание.

Правовые позиции Конституционного Суда, которые формулируются им в решении, являются основой для корректировки законодательства, изменения практики его применения, содержат концептуальные подходы для будущих решений. В европейских странах правовые позиции Конституционного Суда рассматриваются как обязательные для законодателя, не говоря уже о резолютивной части решения. К сожалению, у нас иногда проявляется болезненная, неадекватная современным представлениям о праве, роли и значении Конституции, реакция на решения Конституционного Суда, который действует в последние годы аполитично, руководствуясь исключительно ценностями права, интересами государства и гражданина. Ведь на него, как на другие государственные органы, Конституцией Республики Беларусь (ст. 59) возложена обязанность в пределах компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Поэтому должностные лица обязаны не только хорошо знать собственную Конституцию, ориентироваться на обязательные для Республики Беларусь международно-правовые акты, но и хотя бы ознакомиться с конституционными текстами тех стран, которые добились успехов в развитии правового государства (например Германии, Франции, Австрии).

Вынося свои решения, Конституционный Суд ориентируется не только на современный уровень общественных отношений, но и стремится видеть перспективу развития правовых отношений. При этом, решая конкретную задачу, он обязан формулировать свой подход по конкретному делу таким образом, чтобы, разрешая другой вопрос, косвенно связанный с предыдущим, не оказаться в будущем в "ловушке" противоречий, т.е. его концепция действий должна быть последовательной в правовом отношении. Например, одним из интересных и сложных было дело, связанное с определением конституционности примечания к ст. 177 Уголовного кодекса 1960 г. относительно ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, за недоносительство и заранее необещанное укрывательство. Конституционный Суд, используя свои возможности по толкованию ранее принятого заключения, "смягчил" его некоторые явно неправовые оценки и выводы. И для данного дела, и в целом для развития и совершенствования правовых отношений весьма важен вывод Конституционного Суда о том, что законодатель, закрепляя гарантии прав и свобод граждан, устанавливая их ограничения или определяя какие-либо особенности их защиты, должен исходить из оценки значимости того или иного права в общей системе конституционных прав и свобод, придерживаться такого сбалансированного подхода, чтобы реализация каких-либо прав граждан не влекла необратимые последствия и причинение существенного ущерба другим правам, особенно тем, которым придается приоритетное значение. Такой концептуальный вывод, на наш взгляд, имеет огромное значение для применения норм, которые содержатся в ст. 23 Конституции, предусматривающей основания и цели возможного ограничения прав и свобод. Отметим, что события 11 сентября 2001 года в США, всплеск в других странах террористических актов подтвердили позицию Конституционного Суда, выраженную в решении от 25 марта 1999 г. о толковании указанной нормы Уголовного кодекса и позицию автора данной статьи, выраженную им в особом мнении еще в 1994 году по вопросу об ответственности лиц за недоносительство о готовящемся тяжком преступлении, влекущем гибель людей.

Конституционный контроль в нашей республике может и должен получить свое дальнейшее развитие. Уже рассеивается заблуждение по поводу, якобы, невозможности развития конституционных положений о компетенции Конституционного Суда на уровне закона. В части седьмой статьи 116 Конституции такое право предусмотрено. Эта норма позволяет расширить круг субъектов обращения в Конституционный Суд, предоставив такое право Генеральному прокурору и Уполномоченному по правам человека. Судам не следует этого бояться, ведь выиграет в конечном итоге наше общество и государство, граждане получают более полную защиту. Возможно, следует подумать о введении предварительного конституционного контроля относительно наиболее важных юридических документов, например: крупных международных договоров, о проверке конституционности выборов, проведения референдумов, разрешении споров о компетенции государственных органов и др. Уже сейчас требуют своего законодательного

развития положения части четвертой статьи 122 Конституции, позволяющие гражданам обращаться в Конституционный Суд. Возражения, продиктованные надуманными корпоративными интересами, оставят недобрую память в истории.

Видимо, еще достаточно новым, но перспективным для практики Конституционного Суда является ориентация на соответствующую иерархическую соподчиненность норм самой Конституции. Нормы, посвященные основам конституционного строя, правам и свободам граждан, рациональной системе сдержек и противовесов между государственными институтами, должны получить свою приоритетную защиту со стороны Конституционного Суда.

Конституционный Суд обязан содействовать развитию таких важнейших принципов законотворческого процесса, как ясность и логичность юридических норм, предсказуемость последствий принятия законов и др. Его деятельность всегда протекает гласно и в этой связи освещение всего судебного процесса, опубликование принятых решений оказывает соответствующее влияние на правосознание должностных лиц и граждан.

Обеспечение справедливости в обществе – это цель любой государственно-властной структуры, а закон является лишь инструментом для этого. На “настройку” такого инструмента и направлена деятельность Конституционного Суда.

Reflection of legal principles in messages and other decisions of the Constitutional Court

G.A. Vasilevich

President of the Constitutional Court
of the Republic of Belarus

Summary

In conformity with the legislation, the Constitutional Court of the Republic of Belarus is annually obliged to adopt and send the message addressed to the President of the Republic of Belarus, as well as to the Chamber of Representatives and the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus.

In the adopted message, the Constitutional Court has focused its attention to the improvement of law-creative and law-implementing activity. This message is essentially differed from the last ones by focusing its attention to the necessity to guide by the legal democratic social state principles.

It is the first time that the Constitutional Court of the Republic of Belarus has concentrated its attention to the rather wild spectrum of legal principles, which should be taken into consideration not only during the preparation of the projects of normative acts, but also during the interpretation of legislative acts, solving the concrete disputes.

During the last 10 years substantial "accumulation" of legislative massifs was taken place in Belarus, the national legislation is created, which time after time should be amended in order to approximate it to the modern demands.

On the whole, in order the citizens, the subjects of management feel more comfortable, it is necessary to have state-legal system, which will provide the optimal balance of the interests of the state, society and separate citizen.

The more important principle of the rule of Law State is the principle of supremacy of law. There are many opinions, point of views concerning the definition of law. In our opinion, the expression of legal values is such "positive" document as by its nature democratic Constitution.

The rule of Law State is founded on the separation and reciprocity of powers. This principle is realizing more clearly in law-creative sphere. It regards not only the adoption of laws by the Parliament and signing of the President, but also in the sphere of international-legal relationships (signing of international agreements by the Head of State and their ratification by the Parliament).

The specialized constitutional control bodies, created in the European countries, are the more important elements of the whole system of checks and balances, holding the whole construction of state-legal mechanism. Exactly for these objectives, the Constitutional Court of the Republic of Belarus is entitled to take decisions not only on constitutionality of the normative acts, but also on systematic and crude violation of the Constitution by the Parliament.

Having based on the own experience, practice of the work of the European Court of Human Rights, constitutional control bodies of other countries, and

having used the achievements of the science, the Constitutional Court of Belarus creates supra-positive law, that is the principles and legal ideas, which should become fundamental in our legal system and develop it. The Constitutional Court of the Republic of Belarus, within its status and the issues standing before it, forms the new philosophy of right, new legal world outlook, maintains the honesty and legal equality.

9-10 декабря 2002 года в Брюсселе состоялся Международный семинар на тему "Права человека и религия", организованный Европейским комиссаром по правам человека. В работе семинара приняли участие духовные представители многих стран, ученые-юристы, эксперты.

Участники семинара пришли к общему выводу, что права человека – устойчивые и универсальные ценности, которые лежат в основе развития человеческого общества и цивилизации, и все религиозные институты играют большую роль в осуществлении гарантированной защиты этих прав.

АРМЕНИЯ

Г.Г. Арутюнян
Председатель Конституционного
Суда Республики Армения,
доктор юридических наук

**Выступление на Международном семинаре “Права человека и
религия”
Брюссель, 9-10 декабря 2002 г.**

Уважаемые участники международного форума!

По прошествии более полувека после принятия Всеобщей декларации прав человека мы собрались не просто в очередной раз отметить годовщину этого события и заверить друг друга в нашей готовности уважать права и свободы человека и защищать их. Мы это делали неоднократно, но не преодолели великий парадокс последних двух с лишним веков – парадокс, который мы видим на каждом шагу, порою предпочитая не говорить о нем. Он заключается в том, что, с одной стороны, на протяжении всего этого периода права человека декларировались со все возрастающей силой, уже свыше полувека они признаны как надконституционные установления, обязательные для всех государств, сами государства без исключения признают их приоритет, но, с другой стороны, тем не менее мы не можем констатировать, что эти теоретические установки, бесспорные для всех, сегодня стали путеводителем человечества. И речь не только о том, что еще существуют диктаторские режимы, что в постсоциалистических странах – государствах молодой демократии – еще не изжиты отголоски прошлых подходов атеистического правопонимания. Хуже всего то, что и в странах, которые считаются лидерами демократии и которые претендуют на то, чтобы стать образцами для прочих, определенные ценности человеческого общежития также деформированы или в определенных условиях становятся таковыми. И нам предстоит понять, почему эти десятилетия оказались достаточными для беспрецедентного прогресса в науке, технике, но не смогли последовательно и системно утвердить для всего человечества ценности, международно-признанные и провозглашаемые как главные, высшие и неприкосновенные, составляющие смысл и содержание правового государства и демократического общества. Вместе с этим мы вошли в новое тысячелетие с опаснейшей угрозой международного терроризма.

Думаю, что ключ к пониманию причины в какой-то мере сегодня может быть найден. Говоря о правах человека и религии, мы прежде всего говорили лишь о свободе совести и вероисповедания как одном из общепризнанных прав. Между тем вера в Бога не может быть представлена лишь как частное проявление права, потому что на самом деле речь идет об источнике прав. Разговор о религии в контексте прав человека нам, может быть, следовало бы не просто изменить, а заменить его прямо противоположным: рассматривать права человека в контексте религии. Задача в том, чтобы

восстановить их духовный смысл, утраченный поколениями. Социалистическое пространство Восточной Европы было лишено этой возможности в силу насильственного отчуждения человека и общества от Бога. Свободный мир Западной Европы в процессе абсолютизации либерализации в какой-то мере добровольно «освободил» себя и от Бога, практически недооценивая приоритет духовного начала в каждом из декларируемых прав человека и во всей их совокупности.

Именно духовное начало является основой социального согласия человеческого общества. Как справедливо отметили бывший член Конституционного Совета Франции, профессор Жак Робер, член Верховного Суда Ирландии Френсис Мерфи, член Комиссии по правовым вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы Мишель Юнон, Председатель Верховного Суда Австрии Эврин Фельцман и другие в своих выступлениях на тему: «Соблюдение баланса между интересами целесообразности и правами человека в борьбе с терроризмом», представленных на X Международной судебной конференции в мае 2002 г. в Страсбурге, в конечном итоге, борьба с терроризмом приводит к обеспечению торжества тех идеалов, которые лежат в основе социального согласия всего общества.

Исключительный смысл сегодняшней нашей встречи мне видится именно в том, что она может стать попыткой осмыслить права и свободы человека в свете их духовного наполнения, в системе определенных ценностей, составляющих внутреннее содержание и облик разумного, созидającego, богоподобного существа. Дело в том, что иногда отдельные права и свободы человека, как имеющие естественную природу социальные ценности, представляются деформированно. Свободу мы отождествили с экспансионистическим глобальным рынком, свободную конкуренцию – с переносом в человеческое общежитие закона естественного отбора, действующего в животном мире, свободу совести – со свободой от совести, культ Бога – с культом личности, а мораль и духовность стали непригодными для так называемого свободного человека. В итоге, мы уже свыклись с мыслью, часто повторяемой и устно, и даже в «научных» публикациях, о несовместимости политики и нравственности, права и морали, правосудия и милосердия, интересов государства и интересов личности, универсализма и национальных особенностей. Свыкшись с этим, мы сами же узаконили и утвердили двойные стандарты повсеместно: внутри себя, внутри своих национальных систем общественно-государственного устройства, в международных отношениях.

«Двойной стандарт» – это противоречие в термине: стандарт потому и стандарт, что он един. Нам следует осознать, что права человека – это стандарты, обязательные в отношении того единственного существа, который создан по образу и подобию Божию. Образ и подобие Божие – единственные определители человека как вида, и они неизменны, как неизменен Божий образ. То есть для действительности тех ценностей, которые признаны сегодня общечеловеческими, следует видеть их надчеловеческое происхождение, иными словами – одухотворить сегодняшнее бездуховное

понимание прав и свобод. При таком подходе права будут восприняты как средство осуществления качеств, вложенных Богом в человека по «правилам подобия»: Бог как Творец передал ему право свободного созидания, Бог как Владыка дал ему право на собственность, Бог как Логос наделил его правом свободно мыслить, Бог как Любовь передал человеку способность создавать семью, Бог как Отец дал ему возможность продолжения рода. Нам следует осознать, что права человека – это средство проявления в человеке божественного начала и средство сохранения вида. Христианство однозначно определяет цель земного существования человечества как его богоуподобление, цель земного царства (государства) – как его уподобление Царствию Небесному. Это означает внедрение богоданных основ в мир и вместе с тем их осознание как богоданных. Мы же порою внедряем их без этого осознания, и потому они становятся изменчивыми в зависимости от условий, от того, по отношению к кому применимы, и прочих факторов.

Права человека не могут быть идентичны себе без «золотого правила» христианства: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Матф. 7:12). Права человека не могут быть претворены в жизнь, если осознаются лишь как безликие нормы. Не случайна принципиальная разница между тем, как они сформулированы сегодня в правовых актах, и тем, как они представлены в Библии. Современные формулировки «Человек имеет право на жизнь» или «Человек имеет право на собственность» – это некая абстракция по сравнению с божественными императивами «Не убий», «Не кради» и др. Именно в библейском преломлении они адресованы каждому конкретному лицу, причем не менее важно, что они представлены как каноны, обязательные, в первую очередь, для самой власти, потому что сказаны непосредственно Моисею. Не это ли – исключение любого двоечтения, гарантия всеобщности нормы и, одновременно, повеление носителю власти. Права и свободы человека в призме христианских ценностей обретают иные измерения, иной «формат» и иную степень обязательности. Это мы и должны осознать, если искренне наше желание и стремление к упрочению декларируемых прав и свобод.

Отрадно отметить, что в этом направлении уже предприняты определенные шаги и даже наблюдается объединение усилий богословов и правоведов. В рамках сказанного хотелось бы упомянуть и наши усилия, в частности, международный семинар «Христианство и право», проведенный в 2001 году совместными усилиями Конституционного Суда Армении и Армянской Апостольской Церкви, а также исследование члена Конституционного Суда Армении Рафаела Папаяна «Христианские корни современного права», изданное в Москве и в Ереване. Постановка вопроса на этом нашем форуме с участием правоведов, политиков и представителей различных конфессий – естественное продолжение и объединение упомянутых разрозненных усилий. Сегодняшняя встреча, посвященная как раз одухотворению прав человека и их введению в контекст божественных категорий, вселяет надежду, что права и свободы человека могут действительно повсеместно восторжествовать.

С 22 по 24 января 2003 года состоялся Московский юридический форум на тему "Глобализация, государство, право, XXI век". Форум был организован Международным фондом поддержки правовых инициатив, Международным союзом юристов, Союзом юристов России при содействии Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Российской Академии наук.

В работе форума приняли участие представители законодательных, исполнительных и судебных органов, академических и деловых кругов, общественных организаций из 22 стран.

На форуме с докладами выступили: Председатель Конституционного Суда Республики Армения Г. Арутюнян на тему "Правовая глобализация и некоторые тенденции развития конституционализма"; Председатель Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь В. Каменков – "Интернационализация процессуального права государств и экономика"; Генеральный прокурор Японии Акио Харада – "Профессия юриста в глобализующемся мире"; первый заместитель Института законодательства и сравнительного права Ю. Тихомиров – "Роль международного права в интернационализации национального права"; руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права РАН И. Лукашук – "Глобальный миропорядок"; старший судья и генеральный директор Исследовательского управления при ВС КНР Янг Рунши – "Новые достижения правовой реформы и правового строительства в Китае"; судья Конституционного Суда РФ О. Тиунов – "Защита прав человека в практике Конституционного Суда РФ в условиях интернационализации российского права"; заведующий кафедрой международного и конституционного права МГЛУ О. Хлестов – "Борьба с международным терроризмом в свете глобализации"; руководитель юридического управления Конституционного Суда Республики Армения А. Залинян – "Международный правопорядок в XXI веке и правоприменение государств"; вице-президент Нью-Йоркской фондовой биржи Ричард Бернанд – "Новые особенности в законодательстве США по вопросам корпоративного управления"; руководитель группы международно-правовых проблем в отношениях между странами-членами СНГ Института государства и права РАН Г. Шинкарецкая – "Глобализация мировой экономики и региональная интеграция"; заведующий кафедрой гражданского права МГЮА В. Мозолин – "Проблемы управления в акционерных обществах"; начальник юридического департамента ОАО "Газпром" К. Чуйченко – "Глобальные монополии и их влияние на национальную экономику и политическое развитие стран" и др.

В докладах всесторонне освещались вопросы влияния глобализации на государство и право, проблемы глобализации в современном мире, вопросы защиты прав человека, борьбы с терроризмом и международной преступностью в контексте глобализации мировых процессов, проблемы экономического сотрудничества и корпоративного управления в условиях глобализации.

Ниже представлены доклады на Московском юридическом форуме Э. Г. Кочетова, И. И. Лукашука, А. С. Куликова.

Основные характеристики глобализационного процесса

Одна из актуальнейших проблем современности связана с глобальной трансформацией окружающего нас мира. Открылись невиданные ранее возможности для процветания и, вместе с этим, новые вызовы и угрозы человечеству. На повестке дня – скорейшее осмысление корней и истоков глобальных процессов и, самое главное, – выработка стратегических ориентиров для развития в новых условиях.

Чтобы выработать общий курс на формирование механизма включения России в глобализирующую систему, определить место и роль России в нарождающемся новом миропорядке в качестве сильного и независимого субъекта на мировой арене, необходимо, прежде всего, уяснить реально сложившуюся ситуацию в современном мире, осознать суть глобальных процессов, их природу и масштабность, т.е. рассмотреть мир в различных его аспектах и измерениях:

1. Если говорить о познавательном (гносеологическом) аспекте, то здесь следует выделить особую роль научной общественности, новые задачи и требования, ставшие перед фундаментальной и прикладной наукой XXI века.

Глобализация вызвала к жизни трансформацию современной гуманитарной сферы. Впервые мир стал восприниматься в своем неразрывном единстве, общности, целостности, открылась новая его панорама, описать которую с традиционных (техногенных) научных позиций невозможно. Вскрылись болевые точки гуманитарного знания – на пути выработки более эффективной, более живой и целостной гуманитарной модели стоят гигантские препятствия. Среди них: выхолащивание гуманитарного знания, подмена его техногенными элементами и конструкциями, разрыв единого по сути гуманитарного знания на множество различных дисциплин, которые принципиально не способны ни к синтезу, ни к интеграции; отсутствие в методологии гуманитарных наук междисциплинарного видения; рассмотрение человека как чисто экономического или чисто социального, неодухотворенного существа; отведение доминирующей роли постоянно ускоряющемуся техногенному развитию, которое превращает жизнь человека в непрерывную гонку без настоящего.

В этой ситуации мировое фундаментальное научное сообщество, в том числе и российское, приступило к поиску новейших научных методов осмысления, осознания, постижения и отображения глобального мира. Зародилась и бурно развивается новая дисциплина: глобалистика¹ и ее

отделы (геоэкономика, геофинансы, геоинформатика, геокультура, геологистика, международное финансовое право и др.).

Глобалистика выработывает новейшие способы изучения мира – междисциплинарный и наддисциплинарный познавательный метод, который диктует необходимость рассмотрения мира в различных его измерениях с последующим их синтезом в единой модели глобального мира. В основе нового метода – отход от линейно-плоскостного восприятия мира и переход на философско-пространственную методологию – геогенезис.

2. Дает о себе знать политическое измерение глобального мира – геополитика. Она восходит к моделям мироустройства, главенствующим, начиная с середины XX века. В их основе – государственно-центристский подход, предопределивший «окраску» всем сферам миропорядка. Отсюда – «международное» разделение труда, «международные» организации, мировая экономика как сумма национальных хозяйств, «международные» отношения, «международное право» и т.д. В области стратегии геополитика проявила себя в безудержном раскручивании концепции жизненного пространства, наполнении его однородными идеологическими и силовыми компонентами, распространяемыми и на «чужие» территории. Под этим флагом прошел весь XX век с его кровавыми бойнями, имперскими претензиями на господство, рецидивами шовинизма и национализма. Завершение «холодной» войны обозначило закат эпохи геополитики, на смену ей заступила геоэкономика.

Пришло осознание нового членения мира, и не только по политическим (административно-географическим) границам), в рамках которых выстраивалась однородная идеологическая, политическая и силовая среда: мир стал трансграничным. Выход экономик за национальные рамки заложил основу для формирования геоэкономики и геофинансов, появились экономические границы. Наряду с ними, «вскрылись» другие подвижные границы (цивилизационные, культурологические, демографические, инновационные и т.д.). Все это создает сложнейшую сетку членения мира, где границы не совпадают, а взаимопересекаются.

В этой ситуации государство, как центральный персонаж геополитики качественно изменяется: под воздействием глобализации идет эволюция государственных форм. Уже сейчас можно говорить о различных типах государств: 1) классическая форма государства, при которой суверенитет распространяется строго в национально-территориальных границах; 2) государства в рамках подвижных экономических границ («страны-системы»), опрокинутые «во вне» или «во внутрь»); 3) неопредельные государства («ядро плюс диаспоры»); 4) государство в государстве.

Однако геополитика не сдаётся без боя: новая опасность – геополитики всех мастей, в том числе и наши «родные», «доморощенные», вновь пытаются разыгрывать геополитические карты, вновь призраки шовинизма, реваншизма, имперского мышления и мирового господства витают над миром, вновь яд милитаризма насыщает экономику, отравляет умы молодых поколений. Миру следует своевременно осознать эту новую смертельную опасность².

Вместе с тем глобализация открыла невиданные ранее возможности для нивелирования (демпфирования) этих угроз и вызовов, для безопасного развития и процветания. В основе этого – геэкономическая парадигма развития, подчинение этому геостратегии и оттеснение геополитики на вторые роли с последующим сведением ее на “нет”: “нет” схватке за идеологические догмы и идеальные мифологемы, “нет” силовому решению проблем, “нет” имперскому мышлению и милитаризации всех сфер жизни, “нет” восхвалению “армейского духа” и военщины!

3. Геэкономика или экономическое измерение глобального мира выступила как новая парадигма мироустройства, как ярчайшее отражение процесса глобализации, как новая мировая популяция.

В ее основе – воспроизводственные системы, вырвавшиеся из национальных границ и сформировавшие гигантские мировые интернационализированные воспроизводственные циклы-ядра (ИВЯ).

Мировые воспроизводственные конвейеры буквально опоясывают земной шар, сугубо выборочно включая в качестве своих звеньев те или иные страны, национальные структуры, организации и районы. Контуры этих воспроизводственных циклов подвижны, имеют блуждающий характер. В рамках этих наднациональных структур формируется мировой доход, перераспределяемый среди участников ИВЯ. Сформировалось новое поле оперирования этих структур – геэкономический атлас мира. Не внешняя торговля, не выход на мировой рынок, а внешняя хозяйственная деятельность (ВХД) и оперирование на геэкономическом атласе мира (с целью прорыва к мировому доходу с использованием высоких геэкономических и геофинансовых технологий) предопределяет смысл выхода на внешнюю сферу.

Таким образом, в глобальном мире сформировался центральный вектор мирового развития – геэкономический. В научный обиход вошли новейшие категории и понятия: межконтинентальное разделение труда (оно постепенно вытесняет международное, более того, на смену традиционного общественного разделения труда (включая и международное) идет система всемирных обязанностей (СВО). Зачастую СВО выступают в форме принуждения к “разделению” труда. Тем самым снимается (подрывается) принцип свободы рыночных отношений. Подвижные экономические границы, интернационализированные воспроизводственные ядра, мировой доход, геофинансы, геэкономический атлас мира (ГАМ), “страницы” ГАМ, объемная интерпретация глобального мира, высокие геэкономические и геофинансовые технологии, техногенное изматывание, геэкономические войны, геэкономическая контрибуция и геэкономический трибунал, этноэкономическая транснационализация и этноэкономические системы, неоэкономика и т.д. – вот далеко не полный перечень новейших категорий и понятий, предопределяющих новую архитектуру глобализирующегося мира.

4. Совершенно по-новому представляются процессы глобализации с антропо-философских и социологических позиций.

Глобальная трансформация мира, являясь уникальным феноменом XXI века, рождает и развивает такое новое и удивительное явление, как геэкономический человек – архетип человека реального, безопасного, с новой философской оптикой осознания и отображения мира. Геэкономический человек выступает как носитель нового кодекса поведения в окружающем его мире, как архитектор и зодчий, который организует и обустроивает свой мир – мироздание Нового ренессанса. Он смело открывает новые горизонты бытия, выводя мир на немилитаризованную модель развития – геээкономику и на ее новейшие цивилизационные и культурные измерения, в рамках которых воспроизводится качество жизни и вся гармония разнообразия мира.

5. Глобализация по-новому высвечивает подходы к проблеме безопасности. Современное понимание безопасности, независимо от уровня (личной, семьи, страны, региональной, глобальной) базируется на едином методологическом подходе (т.е. единой “технологии”), в основе которого два положения:

а) своевременный и достоверный учет реально складывающейся ситуации, прояснение ее различных аспектов, сторон, характерных черт;

б) с учетом всесторонне выявленной ситуации выстраивается вектор поведения, исходя из заранее оговоренных, намеченных целей (задач, идеалов, ценностей), т.е. здесь безопасность выступает в активной форме, как система обеспечения достижения намеченных целей (задач, идеалов, ценностей), иными словами, выстраивание безопасной траектории движения к цели (принцип “безопасности на марше”).

Такая трактовка безопасности в корне отлична от пассивного понимания безопасности, когда ориентиры безопасности сфокусированы на сохранение достигнутого состояния (“комфорт застывших форм”). Как раз это состояние может являться причиной опасного развития событий для самого объекта безопасности в условиях быстро меняющейся глобальной ситуации. Это тот случай, когда “кризис без ощущения кризиса является наихудшим видом кризиса” (В.Пантин). Примеров тому в истории не мало – развал СССР, ОВД, СЭВ. Анализ стратегической ситуации и проблем безопасности начиная с 70-х годов как раз строился на принципах «комфорта застывших форм».

6. Военно-политический (стратегический) аспект глобализации – геостратегия – совершенно по-новому предопределяет роль военной компоненты в новом стратегическом раскладе мировых сил: речь идет о защите не только территориального суверенитета, но и контуров гигантских подвижных производственных ареалов, далеко вынесенных за национальные рамки.

Это в корне преобразило роль военной составляющей: национальные вооруженные силы основных геэкономических игроков превратились в силы быстрого геээкономического реагирования, что вызвало принципиальный новый подход к составу Вооруженных Сил, сформировало новые требования к оружию и военному снаряжению. Глобальный мир вызвал к жизни новейший класс оружия: наблюдается его эволюция от ядерного (территориально-объемного), выступавшего в качестве основного

инструмента из геополитического арсенала “холодной” войны (способной в любую минуту перейти в разряд “горячей”) к точечному оружию и далее – линейно-контурному, составляющему уже геоэкономический арсенал.

В условиях глобальных перемен национальные военно-промышленные комплексы (ВПК) «впитывают» геоэкономическую парадигму развития, они становятся звеньями единого мирового ВПК, который под воздействием живучих геополитических парадигм вновь начинает безудержно раскручивать маховик техногенной трансформации современного мира, изматывая человека, лишая его будущего, отнимая у него время, силы, жизнь.

7. Цивилизационное измерение глобального мира вызвало необходимость по-новому оценить мировую систему с точки зрения новейшего класса вызовов и угроз со стороны т.н. “цивилизационного” фактора. Новая мировая глобальная ситуация развивается под действием цивилизационного вектора, носящего техногенный характер. Эпицентр техногенного мира – постиндустриализм, его высшая технотронная фаза – “информационное общество”. Идет безудержная трансплантация техногенных начал в различных мировых ареалах, ранее находящихся в стадии доиндустриального, индустриального или частично постиндустриального общества. На этой безудержно расширяющейся техногенной волне совершенно новую окраску получают все сферы общественного бытия: экономическая, политическая, социальная, военно-стратегическая, культурологическая, правовая и т.д. Мобильность общения на базе новейших электронных средств информации, формирование гигантских информационных сетей (Интернет) и новейших информационных технологий внесли существенные изменения в восприятие экономики как отрасли знания. Западная интеллектуальная мысль по этому поводу выдвинула даже понятие “новой экономики”.

Вместе с тем, выше отмеченная техногенная тенденция развития глобального мира таит в себе гигантский спектр опасностей и угроз: темпы мирового техногенного развития наталкиваются на пределы ресурсного поглощения, зримой становится непрекращающаяся череда техногенных и экологических катастроф, брошен вызов естественному способу существования человека и среды его обитания. Техногенная однородность производства, уклада жизни, культуры губит разнообразие мира. Это ведет к межцивилизационным столкновениям. Все это говорит о том, что техногенная цивилизация не имеет будущего. Мировое сообщество уже не может выдерживать техногенную нагрузку, идет поиск путей выхода из этой ситуации, новейших моделей мироустройства и миропорядка, контур которого уже реально просматривается в выходе на этноэкономические модели в рамках неэкономической цивилизации.

В этом случае геоэкономическое пространство и его атрибуты получают совершенно новую “окраску”, оно преобразуется (трансформируется) под влиянием новой цивилизационной парадигмы – неэкономической, при которой идет слияние, сращивание в едином воспроизводственном цикле техногенных начал и этнонациональных, культурологических, духовных и

т.п. условий бытия. В рамках ИВЯ идет воспроизводство качества жизни. Будущее не за техногенной транснационализацией, а этноэкономической. Тем самым уже сейчас просматриваются фундаментальные истоки новых направлений парадигмы мирового развития, способных нейтрализовать новейший класс угроз и вызовов: межцивилизационные столкновения, фундаменталистские войны и т.п.

Но для того, чтобы выйти на новые горизонты развития национальным экономикам, в т.ч. и России, необходимо создать своеобразный трамплин, а для этого, во-первых, осознать техногенные параметры геоэкономического пространства с тем, чтобы "примерить" национальную экономику к этим параметрам и "вписаться" в современную геоэкономическую систему, участвуя на равных в формировании и перераспределении мирового дохода, предвосхитить возможные ее деформации под воздействием геополитических и геостратегических факторов и отрицательных последствий из-за несвоевременности их учета, а, во-вторых, своевременно "прочувствовать" ситуацию и не пропустить исторический момент трансформации геоэкономического пространства под воздействием неэкономики и уход его в новые горизонты развития.

8. Институциональное измерение глобального мира, иначе – геоинституционализм – требует критического рассмотрения сложившейся структуры мировой организационно-функциональной системы.

Набор международных организаций (а вместе с ним и многих национальных структур), зародившийся в послевоенное время в условиях господства геополитических тенденций, не отвечает современным условиям. "Наши послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире глобальном. Эффективное реагирование на этот сдвиг – основная институциональная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами" – отметил Кофи Аннан в докладе о развитии человека за 2000 год⁴. Реалии последних лет наглядно показали неспособность ведущих международных организаций успешно реагировать на новый класс вызовов и угроз, и это прежде всего относится к сложившемуся экономическому устройству мира. Мировые блуждающие производственные ядра, как реальные субъекты мирохозяйственного общения, практически не входят в поле зрения "международных" организаций. И это притом, что роль и влияние государств в условиях глобальных перемен существенно снижается, а посему уже нельзя не считаться с наднациональными структурами. Так, например, если взять первую сотню ведущих субъектов мирохозяйственного общения (страны и наднациональные хозяйствующие структуры) и ранжировать их по экономической и финансовой мощи (размерам ежегодного ВВП и ежегодных продаж), то почти половину из этой сотни составляют мировые интернационализованные промышленные корпорации (см. Таблицу 1) Среди них американская General Motors, занимая 22-ое место, оставила позади себя такие страны как Данию, Индонезию, Турцию, Таиланд, ЮАР, Норвегию, Саудовскую Аравию и т.д.

Геоэкономика и геофинансы диктуют свои параметры, свои требования к новейшему классу наднациональных регулирующих мировых организаций,

способных разрешать геэкономические конфликтные ситуации, регулировать отношения государств с наднациональными структурами, препятствовать геэкономическому экспансионизму и, как следствие, геэкономическим войнам. На повестке дня формирование нового пакета таких организаций, в том числе учреждение геэкономического трибунала.

9. Один из действенных способов избежать коллизии, опасных столкновений интересов и т.п. заключается в своевременной правовой регламентации и правовом регулировании отношений. Правовое измерение глобализирующегося мира побуждает к пересмотру всей системы правового регулирования отношений игроков на мировой арене. Это вызвано появлением новейших субъектов мирохозяйственного общения как на национальном, так и наднациональном уровнях. В условиях глобализации идет новая фаза корпоративного строительства, поиск новых форм и методов правового регулирования в рамках нового миропорядка и, прежде всего, геэкономического. Речь идет о новом классе договоров, конвенций, рамочных "законов-доктрин" и т.д., определяющих новый подход к учету интересов всех участников мирового воспроизводственного цикла, а также их ответственности в условиях глобальной трансформации мира. Здесь несколько аспектов:

Первый аспект. Вынос деятельности во внешнюю сферу породил новые правовые отношения не только в рамках национальных систем, но и между наднациональными системами. Если взять такой аспект, как разделение труда, где, наряду с международным, присутствует межконтинентальное, межкорпоративное, то, соответственно, правопорядок в современных условиях не может однозначно сводиться только к международным правовым отношениям, а к международному праву. Зоны его применения значительно сузились. Геэкономическая и геофинансовая системы мирового хозяйства трансформируют содержание экономико-финансовых функций государства и, соответственно, юридическое содержание их политического и экономического суверенитета. Государство, порождающее право, в том числе и международное, делегирует фактически функции правотворчества многочисленным хозяйствующим субъектам. Поэтому, вслед за формированием геэкономической и геофинансовой мировых популяций, формируется новейшая модель мировой правовой системы, опосредующая этот процесс. Сводить эти отношения только к праву между народами – государствами – это значит консервировать отживающую правовую модель и не считаться с новыми реалиями: ибо уже сами геофинансовые, геэкономические системы формируют новую мировую модель права – мировую глобализированную правовую систему. Следовательно, напрашивается вывод: термин "международное экономическое право" по отношению к геэкономике можно заменить на термин "правовое регулирование геэкономической деятельности" или "геэкономическое право".

Второй аспект. Игнорируя новые финансово-экономические и воспроизводственно-промышленные тенденции и новации – а к ним относятся процессы глобализации, зарождение геэкономике и геофинансов,

блуждающие интернационализованные воспроизводственные ядра, экономические границы, мировой доход, геоэкономический атлас мира, высокие геоэкономические и геофинансовые технологии, геоэкономические войны и т.д., – современный мировой правопорядок постепенно превращается в “вещь в себе”. Более того, за последнее десятилетие сложилась ситуация, в которой правоведы видят угрозу своим традиционно сложившимся правовым наукам из-за давления со стороны экономики и финансов. Идет бурное вызревание новейших процессов – формирование гигантских сетевых воспроизводственных систем, развитие “новой экономики” на базе высоких информационных технологий – “ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКИ”, выход геологистических моделей на приоритетный уровень и т.д., однако юридическое обеспечение этих процессов, формирование моделей их правового регулирования существенно отстает. Такая ситуация сложилась с финансовой системой. Трансграничные финансовые потоки буквально захлестнули мир. Они опрокинули, казалось бы, устойчивые национальные модели с их национальными правовыми режимами. Однако проблематика, связанная с трансграничной правовой системой, пока задействована в единичных случаях⁵. Оправдание традиционных правовых моделей, выросших из устаревшего геополитического понимания мироустройства, а зачастую самоустранение юристов от осознания новых мировых реалий становится опасным и может быть тормозом включения России на равных в мировую глобализирующуюся систему. Возникают правовые коллизии, превращающие правовую сферу в самодостаточную и саморазвивающуюся систему, не обязательно увязанную с “внешними” дисциплинами, выстраивается теория и методология права, исходя из самого “права”.

Следует отметить, что основополагающие правовые институты (теоретико-методологические блоки), а именно: 1) отношение собственности; 2) договоры; 3) защита имущественных и личных неимущественных прав; 4) юридическая ответственность; 5) соотношение публичного и частного интересов; 6) нормотворческие функции государства; 7) конституционные основы построения правовых систем и др. – трансформируются под влиянием цивилизационной, геоэкономической, геофинансовой систем. Основной правовой блок, который подвергается воздействию этих реалий, – проблема соотношения публичного и частного интересов в правовом регулировании. Зачастую это выходит на стадию формирования национальных внешнеэкономических доктрин, в том числе и российской доктрины международно-правового регулирования и мирового геоэкономического права.

Третий аспект. Глобализация и, как ее центральное отражение, геоэкономика и геофинансы породили целый ряд интереснейших и актуальных проблем, решение которых ждет своих исследователей. Прежде всего, мы являемся свидетелями вызревания новейшего класса коллизий, доходящих до таких напряженных ситуаций, которые вполне могут квалифицироваться как преступления. Речь идет о геоэкономических преступлениях, порождаемых геоэкономическими войнами, этим опаснейшим

и новейшим феноменом конца XX – начала XXI века. Используя высокие геофинансовые и геоэкономические технологии, глобальные предприниматели, в том числе и государства, выступающие в качестве таковых, способны буквально опустошить любую национальную экономику, обрекая на глубокую деформацию ее экономическую и финансовую инфраструктуры, вызывая социальную напряженность и дисгармонию, обрекая на маргинализацию население, внося острые кризисные явления в воспроизводственные процессы. Финансовый кризис 1998 г. наглядно подтвердил эти возможности. Однако инициаторы подобных операций, прикрываясь и оправдывая свои действия общепризнанной стихией конкурентной борьбы, уходят от ответственности. Предпринимательские инстинкты, вырвавшиеся в глобальную сферу, ничем не сдерживаются. Сейчас возможно без применения оружия буквально отобрать практически весь национальный доход и поставить на колени любую национальную систему, не опасаясь ответственности за это, хотя в политической сфере мировое сообщество уже давно отработало систему наказания за преступления против человечества, что особенно ярко подтвердил Нюрнбергский процесс. А где искать защиту от геоэкономических преступлений? Правовая система практически не взяла в поле зрения эту проблему – пока еще в природе не существует “геоэкономического трибунала” и, как следствие, реально не действуют нормы международной ответственности.

Страны-жертвы недобросовестной финансовой конкуренции, геоэкономического нападения (кредитные удары, развал банковской инфраструктуры и фондового рынка и др.) могли бы поставить в геоэкономическом трибунале вопрос о возмещении убытков (геоэкономическая контрибуция).

Четвертый аспект. Правовая система испокон веков отражала право сильного. Какие бы правовые парадигмы, модели, концепции ни зарождались, при первом взгляде следует искать ответ на вопросы: чьи интересы, в том числе и национальные, защищают юридические нормы и против кого они направлены? В современной мировой системе в условиях глобализации и жесткой рыночной борьбы до предела обострились эти проблемы.

Право вышло из-под контроля государства. Судебная практика показывает, что нарушается основной принцип права – защита слабой стороны. Искаженное псевдофинансовыми моделями правосознание участников хозяйственной деятельности порождает бесцеремонное обращение со слабой стороной. Все это опрокидывает принцип справедливости и уничтожает право как социальный общественный институт. В глобальных условиях юридическая (или ее отсутствие!) норма превратилась в мощное наступательное оружие, отражающее защиту интересов одной страны, группы, корпорации (строю, уклада и т.д.) в ущерб другой. И вся борьба за введение норм, смягчение либо их ужесточение есть отражение политической борьбы за долговременное господство в той или

другой сфере (финансах, экономике, промышленности, социальной, военной сфере и т.д.)

Здесь встает законный вопрос: возможна ли гармонизация правового поля в условиях острейшей борьбы интересов в политической, военно-политической, финансовой, промышленной и т.д. сферах? Ответ, мне кажется, следует искать в общих глобальных и конституционных доктринах, качество проработки которых оставляет желать лучшего. Огромная "правовая пробельность" многих наших основополагающих законов дополняется огромными фолиантами комментариев, трактовками, различными подзаконными нормами и актами. Практически мы можем наблюдать ситуацию, когда любую норму можно свести до ей противоположной, исходя из ее "умелой трактовки". Вот почему правовая система нуждается в пополнении новейшим классом норм, по уровню приближающимся к конституционным, переходящим на мировой уровень. Такими актами могли бы стать мировые (международные) законы-доктрины, которые не должны трактоваться двусмысленно и которые могли бы в определенном смысле гарантировать гармоничное мирохозяйственное и миросоциальное общение. В этом отношении, в частности, вполне реально и необходимо разработать и принять закон-доктрину "О правилах поведения и оперирования в геоэкономических условиях".

Пятый аспект. Мы на пороге буквально революционных изменений в мировой парадигме развития. Геоэкономический подход, вызревание новейшей цивилизационной парадигмы (неэкономической и этноэкономических систем) диктуют необходимость зарождения и принятия унифицированного Кодекса мирового геоэкономического порядка, и эта задача может быть успешно решена на междисциплинарной (наддисциплинарной) основе в содружестве теоретиков, методологов, практиков, экономистов, юристов, социологов, политологов и других смежных дисциплин. Это позволит внести серьезнейшие коррективы в три яруса системы права и правового регулирования: национальное право, международное право и глобализированное, геоэкономическое право с особым характером взаимодействия между ними.

The main characteristics of globalizational process

E.G. Kochetov

Chairman of the Council
on global problems of XXI century,
Academic, Doctor of economics

Summary

To work out a general course on forming a mechanism of including Russia into the globalizing system, to determine the place and the role of Russia in the coming-up world-order as a strong and independent subject on world arena, it is necessary, first of all, to clarify the current situation in the world, to realize the kernel of global processes, their nature and range: that is to consider the world in its different aspects and measurements.

1. If we consider the cognitive (gnosiological) aspect, we should distinguish the special role of the scientific community, the new problems and demands that the fundamental and applied sciences face in the XXI century.

In this situation the world fundamental scientific community started searching for up-to-date scientific methods of understanding, comprehension, realization and representation of the global world. A new discipline – globalistics and its branches (geoeconomics, geofinances, geoinformatics, geoculture, geologistics, international financial law, etc.) were born and are rapidly developing at the moment.

2. Political measurement of the global world – geopolitics. It goes back to the models of the world structure dominating since the middle of the XX century. The state – centristical approach, which predetermined " the tinge" of all spheres of the world-order, is in their basis.

The end of the Cold War determined the decline of the age of geopolitics. The latter gave its way to geoeconomics.

3. Geoeconomics or economical measurement of the global world is the brightest reflection of globalization process. The reproductive systems are in the basis of geoeconomics. These systems broke the national bounds and formed world gigantic internationalized reproductive cycles.

4. Quite differently globalization processes are presented from the anthropophilosophical and sociological positions.

The geoeconomic man appears in the role of a bearer of the new behavior-code in the world surrounding. He leads the world to the non-militarized model of development-geoeconomics and to its civilizational and cultural measurements. And here the life quality and the whole harmony of the world cliversity are reproduced.

5. Globalization newly shows up the approaches to the security problems. The nowadays understanding of security, irrespective of the level (personal, family,

country, regional, global) is based on the indivisible methodological approach (that is indivisible "technology") in the basis of which there are two positions:

a) timely and reliable consideration of the situation, clearing up of its different aspects;

b) forming up of the secure trajectory of movement to the target (the principle of "the security on the march").

6. Military-political (strategical) aspect of globalization - geostrategics. It quite newly predetermines the role of military components in the new strategical apportionments of the world forces. Here we speak not only about the security of territorial sovereignty, but also about the outlines of the active gigantic reproductive areas, which are far beyond the national limits.

7. Civilizational measurements of the global world. The world new global situation develops under the influence of the civilizational vector, which has technogenous character. The epicentre of the technogenous world is postindustrialism. Its supreme technetronic phase in "information society".

8. Institutional measurement of the global world – geoinstitutionalism requires a critical consideration of the arisen structure of the world organizational-functional system.

"Our after-war institutions were being formed to the international world, and now we are living in the global world. The effective reaction to that progress is the main institutional problem which world-leaders face at present" – noted Cofi Annan in his report on the development of the man for the year 2000.

9. Legal measurement of the globalizing world makes to reconsider the whole system of the legal control of the relations of players on the world arena. It means a new class of treaties, conventions, and limited "law- doctrines".

There are several aspects here:

First aspect. Taking the activities into the external sphere gave birth to new legal relations not only within national system, but also between supranational system. If we regard this aspect as a division of labour, where side by side with international, interenclave and intercorporational one exist, then, accordingly, the law - order, in the present conditions, cannot simply come to the international legal relations, to the international law.

Second aspect. New processes are rapidly maturing (the forming of gigantic non-reproductive systems, the development of "new economics" on the basis of highly developed information technologies ("Internet-Economics"), the appearance of geogological models on the priority level, etc.). However, the juridical security of these processes, the forming of the models of their legal regulation are considerably behind-hand.

The basic legal institutions such as 1) property relation; 2) contracts; 3) the defense of property and private non-property rights; 4) legal responsibility; 5) interrelations between public and private interests; 6) norm – creative functions of the State; 7) constitutional bases of legal system forming, etc. are transformed under the influence of civilizational, geoeconomical and geofinancial systems. The main legal bloc, which has the influence of this realia, is the problem of interrelation of public and private interests in the legal regulation.

Third aspect. Globalization gave birth to a series of interesting and actual problems. One of them is geoeconomical crime born by geoeconomical wars. In fact, the legal system has not taken into the field of vision that problem – "the geoeconomical tribunal" does not exist in nature yet, and, consequently, the norms of international responsibility do not really work.

Fourth aspect. Law got out of the State control. The judicial practice shows that the main principle of law, the defence of the weak side, is being violated.

Fifth aspect. Globalization dictates the necessity of a unified "Code of the World Geoeconomical Order". It will help to make serious corrections in the three tiers of the legal system and the legal regulation: national law, international law and globalization, geoeconomical law with special interactions between them.

The main accentuation in the report is made on the characteristic features of the globalization process, on the substantiation of the central vector of the world development - geoeconomical one, on the transformation of the spheres of humanitarian knowledge (economics, politics, sociology, culturology, geostrategics, national security, law) under the influence of global changes. Special attention was paid to the civilizational motions and legal aspects of the present global world.

И.И. Лукашук
руководитель Центра международно-
правовых исследований Института
государства и права РАН, профессор

Глобальный миропорядок

1. Новый миропорядок

На рубеже нового тысячелетия перед человечеством в полный рост встали глобальные проблемы, от успешного решения которых зависит его судьба. Характерная особенность этих проблем заключается в том, что они могут быть решены лишь в результате широкого сотрудничества государств, усилиями международного сообщества в целом. Для этого требуется установление нового мирового порядка, способного существенно повысить уровень управляемости международной системой в условиях надежного правопорядка.

Успех в построении нового порядка зависит от своевременного определения его основных параметров, что возлагает большую ответственность как на политиков, так и на ученых. Традиционный метод проб и ошибок способен поставить человечество на грань катастрофы. Глобальные проблемы характеризуются, в частности, тем, что опоздание с их решением может иметь необратимый характер. Необходима превентивная мировая политика, призванная не допустить катастрофического развития событий. В формировании нового мирового порядка, в обеспечении его стабильности и функционирования, а также дальнейшего развития важная роль отводится международному праву.

Под воздействием глобализации упрочивается единство мирового сообщества, взаимозависимость образующих его народов. От благополучия каждого из них зависит благополучие сообщества в целом, а благополучие народов неотделимо от благополучия сообщества. Стало реальностью единство судеб населяющих планету народов, единство будущего всего человечества¹.

Глобализация открывает перед человеком самые широкие возможности и, вместе с тем, порождает проблемы, от решения которых зависит само существование нашей цивилизации. Достаточно назвать такие, как обеспечение всеобщего мира и безопасности, включая урегулирование немеждународных конфликтов, нераспространение оружия массового поражения, сохранение окружающей среды, обеспечение функционирования мировой экономики, уменьшение разрыва в уровне жизни между богатыми и бедными странами, проблема народонаселения планеты, включая здравоохранение, сохранение общего наследия человечества и др.

Особо следует отметить проблему преступности, которая дает представление о том, сколь сложно решение глобальных проблем, затрагивающих интересы могущественных социальных и антисоциальных

сил. Глобализация и демократизация сопровождаются криминализацией экономической и политической жизни государств, а также международных связей.

На пути построения нового миропорядка немало препятствий. Пока не изучены закономерности функционирования глобальной системы. Значение этого постоянно отмечается². Существенные препятствия порождает политика государств, в первую очередь, наиболее развитых, стремящихся использовать глобализацию в своих интересах и не считающихся с интересами других государств и международного сообщества в целом. В результате большинство стран стали жертвами глобализации.

Характерной чертой мирового порядка и международного права становится гомоцентризм, означающий выдвижение на первый план прав и интересов человека. В этом заключается новая функция международного права, для которого в прошлом существовали только интересы государств³.

Следующая характерная черта права сообщества состоит в том, что оно постепенно становится правом социальной справедливости и общего благополучия. В отличие от прошлого, современное международное право не ограничивается сферой политики, а уделяет растущее внимание решению глобальных проблем в экономической и социальной областях. Отмечая эти моменты, специалисты пишут о праве солидарности и общего благополучия. По мнению индийского ученого Р. Ананда, "новая центральная задача сегодня состоит в развитии права сотрудничества, социальной справедливости и благосостояния, при котором государства могут активно сотрудничать на разных уровнях во имя общего благополучия человечества"⁴.

Приоритет интересов международного сообщества не означает ущемления интересов государств. Задача состоит в том, чтобы добиться оптимального сочетания тех и других. Задача первостепенного значения, поскольку без ее решения невозможна нормальная жизнь ни сообщества, ни образующих его государств.

Идет становление международно-правового сообщества, т.е. сообщества, основанного на праве, обеспечивающего верховенство права, примат права в политике. Формирование основанного на праве международного сообщества является одной из главных задач ООН. Генеральный секретарь ООН К. Аннан говорит, что «работа по созданию глобального сообщества, основанного на уважении верховенства права, остается одной из главных миссий Организации Объединенных Наций»⁵.

Создание и обеспечение функционирования нового миропорядка требует более высокой организации мировой системы, существенного повышения степени ее управляемости. Сегодня это ключевая глобальная проблема, от ее решения зависит урегулирование иных глобальных проблем. Ее актуальность стала регулярно подчеркиваться государственными деятелями, актами межправительственных и общественных организаций.

В Концепции внешней политики России говорится о необходимости "повышения международной системы", что вызывает "усиление роли международных институтов и механизмов в мировой экономике и политике"⁶.

Среди таких институтов и механизмов важное место занимает международное право. От его эффективности в значительной мере зависит уровень управляемости международной системой.

В докладе Генерального секретаря ООН о работе Организации за 2000 г. говорится: "Необходимо более эффективное мировое управление, под которым я имею в виду совместное ведение мировых дел"⁷. Как видим, подчеркивается, что речь идет не о надгосударственной власти, а о взаимодействии, сотрудничестве государств, которые регулируются международным правом.

Важным препятствием на пути становления нового мирового порядка является отставание политического мышления от реальностей нашего времени. Об этом говорят как ученые, так и политики⁸. Эта мысль находит отражение и в международных актах, например в таком, как "Стокгольмская инициатива: общая ответственность", принятом еще в 1991 г. В нем, в частности, говорилось: "Мы считаем, что подлинный общий интерес в новом глобальном порядке сотрудничества наших дней состоит в том, чтобы рационально убедить государства учредить систему глобального управления"⁹.

В данном случае обоснованно указана одна из наиболее сложных задач – "убедить государства", политическое мышление руководителей которых существенно отстает от требований века. В новых условиях меняется соотношение национальных и интернациональных интересов. Неуклонно растет значение интересов международного сообщества, без учета которых не могут быть обеспечены национальные интересы. Несмотря на это, внешнеполитические доктрины особенно крупных держав, на которых лежит главная ответственность за обеспечение интересов международного сообщества, в значительной мере остаются национально ограниченными.

Характерной чертой современного процесса формирования нового мирового порядка является его многосторонний характер, участие в процессе широкого круга государств. Центральную роль играет ООН. В ее рамках коллективными усилиями государств удалось на рубеже 21-ого века сформулировать основы нового мирового порядка и соответствующего правопорядка. Эти основы закреплены в ряде резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей в 2000 году на исторической сессии – "Сессия тысячелетия"¹⁰. Особое место среди них занимает принятая на высшем уровне, на "Саммите тысячелетия" Декларация тысячелетия ООН.

В основу мирового порядка кладутся цели и принципы Устава ООН, которые "доказали свой непреходящий и универсальный характер". Более того, "их возможности и способность вдохновлять возросли в условиях, когда государства и народы стали более взаимосвязаны и взаимозависимы". На основе этих целей и принципов будет установлен справедливый и прочный мир во всем мире. Последнее положение специально подчеркивается ООН. Ему посвящена особая резолюция Генеральной Ассамблеи "Содействие демократическому и справедливому международному порядку" (Рез. 55/107, 2000 г.). Заслуживает внимания положение резолюции о том, что "каждый имеет право на демократический и справедливый международный порядок".

Среди задач, которые должны решаться в условиях нового мирового порядка, центральное место отведено тем, что поставлены глобализацией. Необходимо, чтобы она стала позитивной силой для всех народов мира. Констатируется, что глобализация открывает огромные возможности. Однако в настоящее время ее плоды и бремя распределены очень неравно.

Решение соответствующих проблем требует путем широких и настойчивых усилий создать общее будущее, основанное на единстве человечества при всем его разнообразии. "Эти усилия должны включать политику и средства глобального уровня, которые отвечают потребностям развивающихся стран и обществ переходной экономики, а также определяются и осуществляются при их эффективном участии". В этом видится одно из проявлений справедливого и демократического характера мирового порядка.

В Декларации тысячелетия руководители государств и правительств заявили, что, наряду с ответственностью перед своими обществами, они несут коллективную ответственность перед народами мира за обеспечение их благополучия.

Есть в отмеченном положении и другой важный аспект – ответственность за обеспечение должного уровня управления мировой системой. Достаточно высокий уровень управления – одна из характерных черт нового мирового порядка, определяемая необходимостью решения стоящих перед человечеством важных и сложных проблем. Речь идет о более высокой организации общества на национальном и интернациональном уровнях, о более совершенном управлении. К. Аннан заявил: "Мы должны лучше управлять на национальном уровне, а на международном уровне мы должны научиться управлять лучше совместно"¹¹. Значение управления нашло отражение во многих положениях резолюций Генеральной Ассамблеи.

Для достижения этих целей предусмотрены конкретные пути. Заслуживает внимания тот факт, что на первое место поставлено повышение общего уровня законности, обеспечение верховенства права в международных и внутренних делах. Подчеркивается значение выполнения решений Международного Суда. Должно быть обеспечено выполнение договоров относительно разоружения и контроля над вооружениями, международного гуманитарного права и прав человека. Все государства призываются ратифицировать Статут Международного уголовного суда. Особо указана необходимость согласованных действий против международного терроризма. Государства призываются как можно скорее присоединиться к соответствующим конвенциям.

Предусматривается существенное повышение роли ООН и расширение ее возможностей. Ставится задача сделать ООН более эффективным средством поддержания мира и безопасности, предоставив ей средства и инструменты, которые нужны для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, миротворчества, миростроительства и восстановления. ООН должна усилить сотрудничество с региональными организациями.

Таким образом, на рубеже нового века международному сообществу коллективными усилиями удалось определить основы мирового порядка, отвечающего требованиям глобального мира. Новый порядок призван

воплотить идею единства человечества и опираться на высоко развитую систему сотрудничества всех государств на базе единых принципов и целей при уважении многообразия участников. Этот порядок будет справедливым, демократическим: обеспечит высокий уровень управления и законности. Новый порядок создаст условия для решения коренных проблем, поставленных историческим развитием перед человечеством, включая обеспечение мира и безопасности, устойчивое развитие всех стран, мировой экономики, науки и культуры.

2. США и новый миропорядок

Для достижения указанных целей первостепенное значение имеет правильное определение соотношения национальных и интернациональных интересов государств. На протяжении всей истории внешняя политика ориентировалась на национальные интересы. Такое положение в значительной мере сохраняется и сегодня, что представляет собой один из главных показателей отставания политического мышления. Особенно печально, что это присуще крупным державам, на которых лежит особая ответственность за обеспечение общих интересов.

Американская администрация однозначно выдвинула на первый план национальные интересы в ущерб интересам интернациональным. Позиция абсолютного примата национальных интересов едва ли может служить основой реальной политики. Она обусловлена двумя основными моментами. Во-первых, стремлением получить поддержку определенных сил внутри страны. Во-вторых, сократить бремя международной ответственности, особенно в материальном плане.

Отмеченная позиция критически оценивается не только в научной литературе, но и в средствах массовой информации. Два видных американских специалиста пишут, что решение глобальных проблем "требует активного партнерства с союзниками и наделения Организации Объединенных Наций и других международных организаций средствами предотвращения крупных конфликтов, не в последнюю очередь, потому что Соединенные Штаты не в состоянии сами справиться с этими вызовами¹².

Углубление взаимозависимости государств диктует необходимость решать по-новому коренную проблему внешней политики государств, а именно, соотношение национальных и интернациональных интересов. Упрочивается взаимосвязь интересов сообщества и его членов. От ущемления интересов сообщества страдают интересы государств, поскольку их обеспечение в растущей мере зависит от сообщества. Вместе с тем интересы сообщества требуют наиболее полного удовлетворения интересов государств, так как от этого зависит состояние самого сообщества. Служение интересам государств является смыслом существования сообщества.

После событий 11 сентября 2001 года сложились благоприятные условия для создания широкой коалиции в целях не только борьбы с международным терроризмом, но и реализации принятой на "Саммите тысячелетия" программы. Однако эти условия были ликвидированы односторонними действиями США, что по признанию и американских специалистов противоречило национальным интересам страны, а также международного

сообщества в целом. Односторонний подход к решению международных проблем был официально узаконен Конгрессом и нашел наиболее полное воплощение в принятой администрацией новой стратегии, изложенной в документе "Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов"¹³. Американские специалисты подчеркивают большое значение этого документа для американской внешней политики, считая его наиболее важным изложением политики США за последнюю половину века¹⁴.

Основная идея документа – Америка обладает беспрецедентным могуществом, не имеющим себе равного и потому призвана формировать международный порядок и обеспечивать его соблюдение. Как свидетельствует история, могущественные империи существовали и в прошлом, но всякий раз их попытки установить господство над другими странами, в конечном счете, оканчивались поражением. Следует учитывать, что в прошлом претензии по масштабу были более ограниченными, чем нынешние глобальные претензии США. Стратегия предусматривает проведение "упреждающих" действий против враждебных государств. Если будет решено, что государство представляет потенциальную угрозу Америке или что оно укрывает группу, представляющую такую угрозу, то Соединенные Штаты будут осуществлять превентивное вмешательство в отношении соответствующего государства с тем, чтобы ликвидировать угрозу, если необходимо, то путем "смены режима".

США будут использовать свою военную и экономическую силу для поощрения "свободных и открытых обществ". Стратегия предусматривает, что США не допустят, чтобы их военному превосходству был брошен вызов¹⁵. Такой подход отбрасывает нас в далекое прошлое. В Артахашастре, принадлежащей перу полулегендарного индийского мыслителя Каутильи (IV-III вв. до н.э.) говорилось, что "мудрый король должен укреплять свое государство и препятствовать процветанию других".

Подобная стратегия несовместима с основными принципами не только современного, но и международного права прошлого. Американские специалисты признают, что такая стратегия предполагает отказ от межгосударственного порядка, который определял международные отношения со времен Вестфальского урегулирования 1648 года¹⁶. Она несовместима не только с Уставом ООН, но и с принципами НАТО¹⁷. К.Коен пишет, что администрация Буша "рвет на куски международное право и обычай, утверждая, что она может поступать как угодно во имя самообороны. Это не доктрина, это импульс"¹⁸.

США и в прошлом неоднократно осуществляли интервенцию в отношении небольших стран. Однако Вашингтон всегда стремился оправдать свои действия юридическими аргументами. Ныне же Вашингтон официально отвергает обязательность для себя таких устоев международного порядка, как принцип суверенного равенства, неприменения силы, невмешательства, мирного разрешения споров и др. Возникает вопрос, насколько американская администрация отдает себе отчет о последствиях такой стратегии? Думается, что она не исключает негативной реакции международного сообщества. Подтверждением тому служат попытки США ослабить позиции

Международного уголовного суда и добиться нераспространения его юрисдикции на американских граждан и, в первую очередь, на руководителей.

После принятия Статуса Суда заместитель государственного секретаря Дж. Болтон, бывший центральной фигурой в администрации по этому вопросу, писал: "Главной нашей заботой должны быть Президент, члены кабинета, образующие Совет национальной безопасности, и др. гражданские и военные руководители, несущие ответственность за нашу оборонную и внешнюю политику"¹⁹.

Из всего сказанного видно, что США ставят себя над правом. Американские специалисты предупреждают об опасности того, что новая стратегия обострит "восприятие Соединенных Штатов как играющих по собственным правилам в международных делах"²⁰. Как исторический опыт, так и характерные черты современного мира дают основания считать, что подобная стратегия представляет опасность, прежде всего, для США. На это обращают внимание и авторитетные американские политики. Бывший Президент, лауреат Нобелевской премии Дж. Картер заявил, что изменения политики представляют "большую угрозу для нашей страны"²¹.

Новая стратегия послужит мощным стимулом дальнейшего роста антиамериканских настроений. Нельзя не учитывать, что США гораздо в большей мере зависят от остального мира, чем мир от них. Даже собственную безопасность США не в состоянии обеспечить в одиночку.

* * *

Из всего ранее сказанного следует, что первым шагом к решению глобальных проблем является существенное повышение уровня политического сознания, включая сознание международно-правовое. Новый мировой порядок может быть надежным при условии осознания всеми государствами и, прежде всего, крупными державами своей ответственности за его поддержание. При этом речь идет о сознании не только политической элиты, но и широких слоев населения. Поддержка последних становится важным фактором внешней политики, нуждающейся во все большей моральной и материальной опоре. Для решения этой задачи потребуются серьезные усилия государств, международных организаций, общественных движений. Информационная революция открывает для этого большие возможности. Задача состоит в том, чтобы умело их использовать. Важнейшим инструментом решения этой задачи призваны служить средства массовой информации, которые приобретают невиданное ранее значение в обеспечении управления на национальном и интернациональном уровнях²².

В порядок дня поставлен вопрос о формировании всеобщей культуры мира, основанной на системе ценностей, в которой высшим приоритетом для всех людей являются мир без войн и конфликтов, создание на международном и национальном уровнях условий, благоприятных для устойчивого развития, для уважения прав народа и человека. Естественное многообразие культур не может служить препятствием для формирования

общей культуры мира. Новый мировой порядок призван ускорить формирование глобальной цивилизации.

Повышение управляемости международной системы связано с повышением роли права, с обеспечением законности как на национальном, так и на международном уровне. Значение этого принципиального положения отмечается Декларацией тысячелетия ООН, принятой на "Саммите тысячелетия" в сентябре 2000г. Главы государств и правительств заявили: "...Мы полны решимости укреплять уважение к принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах..."

Глобализация вносит настолько существенные перемены практически во все стороны общественной жизни, что мы пока не в состоянии определить все их последствия. Учитывая значение этих последствий, необходимо мобилизовать значительные исследовательские усилия для их определения. К сожалению, затраты современного общества на социальные и политические науки не идут ни в какое сравнение с расходами на другие исследования, особенно связанные с военным делом. Потребуется дополнительные средства для развития общественных наук. Они окупятся гораздо в большей степени, чем затраты на другие отрасли знания. В таком положении общественных наук проявляется отставание политического мышления, не отражающего их растущей роли. С другой стороны, недостаточное развитие общественных наук – одна из причин отставания политического мышления.

Все ранее сказанное дает определенное представление о том, сколь сложные проблемы стоят перед человечеством в 21-м веке. Необходимым условием их решения является создание нового мирового порядка, который позволил бы достичь высокого уровня сотрудничества государств, необходимого для успеха в этом деле.

I. I. Lukashuk
Head of the Centre
of international-legal researches
of the Institute of the State and Law,
Professor

Summary

In the boundary of the new millennium the humanity has come across some global problems on the successful solution of which depends its destiny.

The global problems are characterized, in particular, with the fact that their late solutions can have dangerous character. It is necessary to have preventive world policy, which was called not to admit the catastrophic development of the events. In the formation of the new world-order, in the securing of its stability and functioning and also in its further the international law development plays an important role.

The essential obstacles rise from the policy of the states, first of all of the most developed ones, which aspire to use the globalization to their own interests and which do not respect the interests of other states and international community on the whole. As a result, most of the countries have become victims of the globalization.

The characteristic feature of the modern process in formation of the new world-order is its many-sided character, participation in the process of the wide circle of the states. The central role-plays UNO.

With the collective efforts of the states in the boundary of the 21-st century it became possible to formulate the basis for the new world-order and corresponding law-order. This basis is fixed in series of resolutions adopted by the General assembly in 2000 during the historical session – "The Session of the Millennium". Among them "The Declaration of the Millennium" of the UNO, adopted on high level during the summit of the Millennium plays an important role.

In the Declaration of the Millennium the leaders of the States and Governments declared that within the responsibility for their communities they carry collective responsibility before the nations of the world for their social welfare.

For the achievement of these goals on the first place is put the increase of the whole level of the legality, guarantee of the supreme law in the international and internal affairs. The importance of making decision by the International Court is emphasized.

For the achievement of the mentioned goals the importance is given to the right definition of correlation of national and international interests of the states.

American administration pulled forward to the first plan the national interests in damage (loss) to the international interests.

The mentioned position is critically evaluated not only in scientific literature, but also in the Mass Media.

After the events, which happened on September 11th of 2001, successful conditions turned out for the formation of a large coalition in order to fight not only against international terror, but also for realization of the program adopted during the "Summit of the Millennium". However, these conditions were abolished by one-sided actions of the USA, which, by recognition of American specialists contradicted the national interests of the country and also the international community on the whole. One-sided approach to the solution of international problems was officially legalized by the Congress and had found the fullest embodiment in the new strategy adopted by the Administration, which was given in the document "The strategy of National Security of the USA".

The main idea of the document – America possesses unprecedented power, without having an equal one, and that's why it is called to formulate the international order and ensure its observance.

Such strategy is incompatible with the basic principles not only of modern, but also of the international law of the past.

The new strategy will serve as a modern stimulus for the further growth of anti-American moods.

From the above-mentioned we can say that the first step to the solution of the global problems is the essential increase of the sense of the political level, including international – legal sense. The new world – order can be reliable in condition of realizing their responsibility for the support of the world – order by all the states and, first of all, by big powers.

The globalization makes such basic alterations almost in all sides of the social life, that we are not able to determine yet all their consequences.

РОССИЯ

А.С. Куликов
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания РФ

Глобальный терроризм и некоторые проблемы борьбы с ним

Перед мировым сообществом стоят вопросы, ответы на которые не терпят отлагательства.

Вопрос первый. Способны ли сложившиеся международно-правовые институты и организационные структуры мирового сообщества и, прежде всего, ООН адекватно реагировать на атаки террористических организаций, наркокартелей, преступно-финансовых сообществ? Ответ, по всей видимости, будет отрицательным. Несмотря на множество принятых конвенций, рекомендаций, резолюций ООН, Совета Европы, других международных организаций, единое правовое поле в борьбе с преступностью и терроризмом до сих пор не создано, а национальные законодательства не унифицированы даже с действующими международными актами.

Эффективность действующих международно-полицейских структур за последние годы также снизилась и постоянно отстает от активных действий международных преступников. Даже во взаимоотношениях друг с другом официальные структуры, например Интерпол с Европолем, долгие годы не могут найти общего языка.

Вопрос второй. Возможно ли сегодня говорить о создании единого мирового антитеррористического центра? Кроме того что уже создана и действует антитеррористическая коалиция государств, возможно. Но необходимо, на мой взгляд, учитывать следующее:

Вопросами борьбы с терроризмом деятельность мирового антитеррористического центра в рамках ООН ограничиваться не должна. Сейчас уже всем ясно, что крупные террористические акции невозможны без мощного финансового обеспечения, которое в подавляющем большинстве случаев происходит за счет „отмывания” грязных денег, полученных от наркоделок. А это означает, что следует вести речь о создании не просто мирового антитеррористического центра, а мирового центра борьбы с международной преступностью.

Необходимо концептуально менять подходы к борьбе с терроризмом. Сейчас она возложена в основном на спецслужбы, которые одновременно ведут разведывательную, контрразведывательную деятельность. Интересы спецслужб в разных странах, и даже порой в рамках одной страны, часто не совпадают. Борьба с терроризмом должна стать приоритетной функцией всех правоохранительных органов и силовых ведомств. На сегодняшний день, как показывает практика, наиболее эффективно взаимодействуют между собой органы полиции (милиции) разных стран. Может быть, в этой связи более рационально ставить вопрос о преобразовании Интерпола в такой центр? При этом необходимо менять конституцию Интерпола и основополагающие принципы его деятельности. Речь идет о том, чтобы, помимо разветвленного

информационного обмена, Интерпол выполнял функции международных расследований и международных оперативно-розыскных операций и имел для этого соответствующие структуры и подготовленные силы быстрого реагирования.

Вопрос третий (ключевой). Дадут ли эффект все международные организационные меры в борьбе с терроризмом, если одновременно с этим кардинально не изменятся негативные тенденции мировой политики? Если по-прежнему процесс глобализации будет выталкивать целые страны и регионы за пределы современной цивилизации, социальная база терроризма будет расти в геометрической прогрессии.

Есть и другие вопросы. Тезисно обозначу лишь некоторые.

Современный терроризм – это явление самодостаточное. Это, как мы видим, инструмент в руках определенных, тщательно законспирированных криминальных, политических, финансовых структур. В связи с этим мировое сообщество должно более четко обозначать цели и задачи антитеррористических действий. При этом хотел бы отметить, что массированное военное уничтожение сил и средств террористов, как это было в Афганистане, является, скорее, исключением, чем правилом.

Сейчас мы уже четко понимаем, что вести борьбу с международной преступностью и терроризмом, используя при этом двойные стандарты в оценке тех или иных явлений нельзя. Если фактически однородные криминально-террористические группы в одном случае называются борцами за свободу, а в другом – опасными преступниками, то, естественно, ни о какой международной координации в подавлении криминальных и террористических угроз говорить не приходится.

Не получив ответ на эти вопросы, мировое сообщество будет постоянно походить на боксера, ведущего бой с тенью.

Все эти проблемы после трагических событий в США рельефно обнажились, хотя нарастание угрозы многие эксперты прогнозировали и ранее. Последние десятилетия XX века в большинстве стран мира были отмечены валом террористических актов, расширением сфер влияния международной наркомафии, активным формированием организованной преступности, появлением новых, ранее не существовавших видов преступлений, связанных с бурно развивающимися новейшими технологиями, генной инженерией, информатизацией, всеобщей компьютеризацией мира. Особое распространение получили торговля оружием, отмывание и поддержка денег, незаконная эмиграция и торговля детьми, коррупция и финансовые махинации, подделка кредитных карточек и экономический шпионаж, кражи интеллектуальной собственности, несанкционированный доступ к компьютерным сетям.

В подтверждение вышесказанного позвольте привести некоторые данные. Преступность в мире за последние 30 лет возросла в 4 раза. По данным ООН, преступность в мире с конца 90-х годов в среднем увеличивается на 5 % в год, прирост же населения составляет 1 % в год. К концу текущего года на планете будет зарегистрировано не менее 450 млн. преступлений, а их

фактическое число может быть в 3-4 раза больше. Вдумаемся: это 200 тысяч преступлений в час.

Как и сама "глобализация", современный терроризм (как проблема) не изучен. Что мы можем сказать о его причинах? Никто не готов ответить. Считаю, что реальные причины его до сих пор не названы. Видимо, здесь и разные подходы в мировоззрении, сохраняющийся стереотип "холодной войны", разные методологии в оценке современных мировых процессов.

И это в условиях, по оценкам большинства экспертов, высокой вероятности повторения террористических актов.

Кроме причин, мы плохо знаем пусковые механизмы и конкретных субъектов, стоящих за террористическими атаками. Мы только предполагаем, что это религиозные экстремисты, наркокартели, транснациональные корпорации: как явно преступные, так и благополучные внешне, ведущие борьбу за передел финансовых рынков и потоков.

Поскольку не названы причины, пусковые механизмы и субъекты, то усилия мирового сообщества в новых условиях во многом неэффективны. Это в равной степени просматривается в результатах антитеррористических операций в Афганистане, Чечне, на Ближнем Востоке и др. традиционных зонах террористической активности.

Результативность антитеррористической коалиции незначительна. Она решила пока только военно-технические задачи: рассеян "талибан", нарушено управление его вооруженными отрядами. Но главная задача не решена. Идеологические центры сохранены, сеть боевиков во многих странах мира сохранена, террорист N 1 жив и по-прежнему на свободе.

Государства готовились к мировой войне, ядерной, во всяком случае не такой. Под эту войну создали и соответствующую структуру вооруженных сил, виды вооружений и техники.

Таким образом, проблема, как оказалось, гораздо шире и глубже. Мировое сообщество оказалось не готово к ее решению.

Что, на мой взгляд, необходимо делать в области борьбы с терроризмом?

Во-первых, необходима организация на международном уровне скоординированной работы по выработке общего понятия "терроризм" и комплекса причин, его порождающих. В современной литературе насчитывается более 100 его определений. Существующая сегодня конструкция правого определения терроризма довольно громоздкая, сложная и создает трудности при квалификации уголовно-правовых деяний, имеющих сходные квалифицирующие признаки, однако терроризмом не являющихся.

Во-вторых, необходима дальнейшая разработка на международно-правовом уровне базовых принципов борьбы с терроризмом (неотвратимость ответственности за участие в актах терроризма и содействие им; обязательность национальных мер по ликвидации выявленных террористических организаций; недопустимость использования форм и методов терроризма для решения любых социальных и политических задач, включая реализацию права наций на самоопределение; недопустимость политических уступок террористам и двойных стандартов в отношении к терроризму и др.).

В-третьих, необходима разработка модельного международного закона о борьбе с терроризмом. И это уже ни у кого не вызывает сомнений. Мы разработали проект структуры такого закона. Главное в нем – качественно новые подходы. Речь идет о: защите объектов террористических посягательств; борьбе с финансированием террористической деятельности; информационном противодействии терроризму; международном сотрудничестве Российской Федерации в области борьбы с терроризмом и т. д. Изменен порядок нумерации статей, содержание их расширено, конкретизировано и т.д.

Работу над этим законом мы проводим во взаимодействии с рабочей группой членов Конгресса США. Прошло совместно три заседания рабочих групп. При принятии такого закона парламентами России и США, он может стать модельным законом для стран мирового сообщества. Работу над этим законом поддержали Президенты США и России в ходе встречи в мае прошлого года в Москве.

В-четвертых, эффективность борьбы с международным терроризмом немыслима без создания международной системы мониторинга терроризма на основе обязательной передачи соответствующей информации от национальных правительств, региональных и международных организаций, участвующих в различных формах борьбы с терроризмом, ее накопления и анализа в специально созданном информационном банке.

В-пятых, при организации масштабной борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью, как показывает практика Афганистана, необходима разработка международно-правовых основ проведения международных антитеррористических операций с закреплением обязательности санкции Совета Безопасности ООН на осуществление и контроль за их ходом.

И, наконец, в-шестых, следует также принять меры по скорейшей ратификации членами международного сообщества конвенций по борьбе с терроризмом, особенно 1999 года по борьбе с финансированием терроризма, и последующему внесению ими необходимых изменений в национальные законодательства. Необходим созыв специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с терроризмом и принятие ею соответствующих решений.

Эффективная борьба с терроризмом, преступностью на государственном, межгосударственном уровне возможна только в том случае, если к ней присоединится гражданское общество, все слои населения.

Шагом в этом направлении стала инициатива, которую внесла российская сторона по созданию Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Впервые об этом было заявлено в 1999 г. За этот период к предложению инициатора присоединились около 40 стран мира. 5 декабря 2000 года в Венском центре ООН состоялось первое заседание Международного оргкомитета Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, а 14 февраля 2002 г. в Берлине ВААФ был зарегистрирован как международная неправительственная общественная

организация. В настоящее время ВААФ уже имеет несколько региональных отделений в странах Европы и Азии.

Единственная война, которая должна остаться в XXI столетии, – это война с преступностью и международным терроризмом. Но чтобы победить в ней завтра, мир должен уже сегодня объединить свои усилия.

Global terror and some problems fighting against it

A.S. Kulikov

Deputy of the State Duma (Parliament)
of the Russian Federation

Summary

The questions the answers of which are very urgent are arisen before the world community,

The first question. Will the established international-legal institutions and organizational structures of world community, and first of all, UNO be able to react adequately to the attacks of terror organizations, criminal-financial community? To all appearance, the answer will be negative. In spite of many conventions, recommendations and resolutions adopted by the UNO, Council of Europe and other international organizations, there is not the unique legal field in fighting against criminality and terror yet, and national legislations have not even unified with acting international acts.

Second question. Will it possible to speak about creation of the unique anti-terror centre today? In my opinion, in spite of that the anti-terror coalition of the states is already created and acting, it is possible, but the following should be taken into consideration:

The activity of world anti-terror centre within the framework of UNO should not be limited by the questions of fighting against the terror. Now it becomes clear, that the large - scale terror acts are impossible without powerful financial support. It means, that it should be created not simply the world anti-terror centre of fight, but world centre fighting against the international criminality.

The third question. Will all international organizational measures in fighting against the terror have effect, unless the negative tendencies of the world policy will simultaneously fundamentally be changed? If the process of globalization will as before push out whole countries and regions beyond borders of modern civilization, the social base of terror will grow up in geometrical progress.

The unique war that should stay in XXI century is the war against criminality and international terror. But the world by this time should unite its efforts for overcoming it.

ГЕРМАНИЯ

Э.У. фон Вайцеккер
депутат Бундестага,
доктор-профессор

Демократия и глобализация

Турбокапитализм 90-х породил множество как победителей, так и проигравших. Во времена рынка нужны повторное изобретение демократии и новая направленность технического прогресса.

В течение следующих 50 лет перед нами будут стоять два крупных вызова, один из которых я называю повторным изобретением демократии, а другой – новой направленностью технического прогресса. Что касается глобализации, то я для начала делаю эмпирический вывод, что это слово совершенно новое. Недавно я направил письмо в газету “Франкфуртер альгемайне”, где спросил, когда в ней появилось это слово. Оказалось, что впервые оно было упомянуто в 1993 г. И внезапно появилось у всех на устах. Чистая случайность? Или лингвистический фокус? Нет, имеются три конкретные причины.

Одна из них – последовательное развитие мировой экономики в направлении либерализации и устранения таможенных барьеров. Но это не новая тенденция; одна лишь она не смогла бы оправдать такой лингвистический прорыв. Еще в 1993 г. состоялась крупнейшая за все времена мирная демонстрация против ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле). Это был марш индийских крестьянок в Бангалор, протестовавших против международных норм патентирования, которые были выработаны во время уругвайского раунда ГАТТ. Они опасались, что их лишат права выращивать семена, если патент на семена находится у международных концернов.

Второй двигатель глобализации – развитие интернета. Благодаря “сети” появилась невероятно тесная связь между фирмами, а также между ними и поставщиками. Однако это только один из 200 аспектов, связывающих глобализацию и интернет. Третьей причиной, вызвавшей повышенное внимание к глобализации, стал конец биполярного миропорядка. До 1990 г. конфликт между Востоком и Западом был доминирующей политической реальностью. Каждый определялся в его рамках так или иначе, не в последнюю очередь и представители капитала в демократических странах с рыночной экономикой. Им важно было доказать, что демократически организованная рыночная экономика и в социальном плане превосходит неэффективный авторитарный коммунизм. Это был “бурный успех” до тех пор, пока конфликт между Востоком и Западом не разрешился в пользу Запада. Тем самым отпала необходимость в дальнейших доказательствах, и представители капитала могли сказать руководителям фирм: “Вы должны немножко больше заботиться об акционерах”.

Слово "Shareholder value" появилось в немецком языке так же спонтанно, как и понятие глобализации. Доходы с капитала были сразу же провозглашены императивом. Одновременно произошли сильные изменения в отношениях между предприятиями и миром капитала. До 1990 г. у каждой фирмы был какой-то свой банк, через который финансировались новые инвестиции. Затем многие открыли для себя, что на международных рынках капитала можно получить кредиты на полпроцента выгоднее. И тот, кто этого не делал, вдруг оказался в проигрыше в плане издержек.

Вот несколько слов о реальности и тем самым к вопросу о том, как это связано с демократией. Сначала хорошая новость: в контексте глобализации демократия одерживала одну победу за другой. И не только в Восточной и Центральной Европе, но и в африканских и азиатских государствах. А теперь плохая новость: то, что мы называем демократией, изменило свое лицо после 1990 г. До этого государство имело очень сильную позицию по отношению к капиталу и рынку. Идеальной формой государственного устройства является демократически организованная рыночная экономика, в которой сохраняется социальный баланс между сильными и слабыми. Это хорошо функционировало до тех пор, пока рынок и демократия находились в одном и том же географическом пространстве. Однако внезапно рынок разросся до всемирных географических масштабов, а государство осталось в национальных рамках. Это неизбежно привело к тому, что рынок стал играть в пинг-понг с государствами, сталкивать их друг с другом, например, за счет "пагубной налоговой конкуренции". Поэтому неудивительно, что со временем пропасть между богатыми и бедными становилась все шире. В начале 70-х годов доходы 20% самых богатых и 20% самых бедных разнились в 30 раз. В 2001 г. этот показатель возрос до 74 раз. И в то время как число бедных скорее увеличилось, – хотя мы пережили блестящий экономический рост – число миллионеров и миллиардеров росло несравненно быстрее. Это в какой-то мере для нас вызов. Мы столкнулись с глобализацией, которая хотя и заметно увеличивает стоимость, порождает отдельных победителей и регионы-победители, но оставляет много проигравших. Проигравших, которые, хотя они и ходят на выборы, никак не могут повлиять на ход событий, так как проблемы глобализации не могут быть решены на национальном уровне.

Таким образом, из описания реальности можно сделать вывод о необходимости повторного изобретения демократии. Когда-то она была изобретена для национального государства, в котором прекрасно функционировала. Теперь же вопрос стоит так: как может выглядеть всемирная демократия в будущем? Я предлагаю нестатичную модель на трех столпах, на которых она и будет основываться.

Первый столп – существующая форма демократического национального государства. Нации действуют сообща – будь то международные договоры об окружающей среде, Конвенция о правах человека, Международный суд по уголовным делам и многое другое, что совместно согласуется отдельными государствами. Во всех этих случаях элементы, функционировавшие в национальном масштабе, переносятся на международный уровень. Это очень

важное развитие, но оно имеет один решающий недостаток: оно крайне удалено от базиса. В этих условиях невозможно добиться активизации народа. Несмотря на это, нам необходима государственная демократия, так как только она имеет легитимность для проведения подобных переговоров.

Второй столп – частнокапиталистическое хозяйство. Именно оно в основном и создает прибавочную стоимость. Конечно же, в нем присутствуют как белые, так и черные овцы. Существуют предприятия, которые действительно ведут себя как “хищники”. Однако имеется невероятное множество небольших, средних и крупных фирм, которые создают прибавочную стоимость со всей добросовестностью, мужеством, изобретательностью. Дабы во всем этом было что-то от демократии, международная общественность должна научиться наказывать “хищников” и поощрять хороших. К примеру, не должно вознаграждаться хищническое отношение к природе и использование детского труда. Однако при решении многих вопросов нужно следить за тем, чтобы все делалось не надменно или свысока. Это всегда хождение по острию ножа. В любом случае мы должны сперва осознать моральную проблему.

В этой связи я подхожу к третьему столпу. Это гражданское общество. Гражданское общество – это все мы, особенно тогда, когда мы являемся активистами нашей церковной общины, “Международной амнистии”, “Врачей без границ”, “Гринписа” или Всемирного фонда дикой природы. Это – международные гражданские группы, имеющие влияние. Интересную группу, выступающую конкретно против глобализации, представляет собой Attac. Без давления со стороны этой группы было бы трудно представить, что в политике и экономике действительно произойдут изменения. И теперь я могу представить себе, что в течение следующих 50 лет вокруг этих трех столпов – а возможно вокруг четырех или пяти – возникнет гражданское общество, приближенное к базису, и глобальная демократия.

Наряду с титанической задачей по повторному изобретению демократии встает вопрос о новой направленности технического прогресса. Земля уже практически перенаселена. Так называемый экологический отпечаток показывает, какую площадь мы используем для нашего благосостояния, для нашей одежды, продуктов питания, автомобилей. К примеру, в Германии один человек имеет экологический отпечаток в 4 га. Если умножить это на 80 млн. человек, то получится 320.000.000 км². В Германии же имеются всего лишь около 370.000 км². Это значит, что Германия в плане экологических отпечатков безнадежно перенаселена. И это значит также, что мы должны где-то централизованно что-то сокращать. Нам как минимум необходимо вдвое сократить потребление природных ресурсов, например сократить выброс углекислого газа. Если мы добьемся ежегодного сокращения выброса CO₂ вдвое, то это довольно быстро стабилизирует его концентрацию. Сокращение вдвое потребления природных ресурсов – это минимум, необходимый для воплощения идеи “устойчивого развития”.

Вместе с тем нам надо вдвое увеличить благосостояние. Если взглянуть на бедные регионы планеты, то каждый сразу же поймет, что это наше минимальное моральное обязательство. Мы должны умножить два на два и

получим четыре. Т.е. мы должны как минимум в четыре раза эффективнее использовать ограниченные природные ресурсы. Это я и называю новой направленностью технического прогресса.

Промышленная революция представляла собой в основном четырехкратное, десятикратное и, наконец, двадцатикратное повышение производительности труда. Однако для того, чтобы технический прогресс мог шествовать на двух ногах, а не ковылять только на одной, в дополнение к повышению производительности труда требуется повысить производительность использования ресурсов. И это как минимум в четыре раза, а в долгосрочной перспективе в 10 раз. Это тот минимум, который мы должны достичь. И в этой связи возникает вопрос, как мы можем этого добиться? Нам нужны изменения в сознании, а также изменение маргинальных условий экономики. Вывод на рынок ресурсосберегающих технологий, например, автомобилей, потребляющих лишь от 1,5 до 2 литров на 100 км вместо сегодняшних 8 литров, должен вознаграждаться. Но политическая задача состоит в том, чтобы заставить цены говорить экологическую правду. А именно это в рамках сегодняшней демократии на национальном уровне и в условиях международной конкуренции реализовать практически невозможно. Ведь если какая-то страна сделает это в одиночку, то соседнее государство сразу же подорвет ценовую структуру и извлечет из этого прибыль. Т.е. здесь сперва требуется "global governance" с тем, чтобы задать техническому прогрессу правильное направление.

Проф. д-р Эрнст Ульрих фон Вайцзеккер - председатель парламентской комиссии по изучению проблем "Глобализации мировой экономики". Он был директором Вуппертальского института и является членом "Римского клуба".

Democracy and globalization

E.U. fon Weizsekker
deputat of Bundestag,
doctor professor

Summary

Ideal form of the State system is democratically organized market economy, which is keeping social balance between strong and weak. It was well functioned until the market and the democracy were in the same geographical space. But, suddenly the market grew up till world geographical scales, and the state remained in the national scopes. In due course, the precipice between rich and poor was becoming wilder. At the beginning of 70-es the incomes of 20% of the richest and 20% of poorest disjointed for 30 times. In 2001 this showing increased for 74 times.

However, we can draw a conclusion on the necessity of repeated invention of democracy. Three pillars can be offered as a non-statical model.

First pillar is the existing form of democratic national state. Nations make common cause – be it international agreements on environment, conception on human rights, international court of criminal cases and many others, that is agreed together with separate states.

Second pillar is private capitalist economy.

Third pillar is the civil society. It is everyone of us, especially when we are the activists of our church community, "International amnesty", "Doctors without scopes", "Green peace" or world fund of wild nature.

There is also question of new direction of technical progress. The earth is practically overpopulated. It is necessary to cut by a half the using of natural resources and to improve the well-being in the way of raising the productivity of labour and productivity of using of resources.

В тени глобализации

Какую роль играют международные финансовые организации в выстраивании процесса глобализации? И какие реформы необходимы, чтобы глобализация увенчалась успехом для всех?

Международные бюрократические структуры – безликие символы мирового экономического порядка – повсюду служат мишенью для острой критики. Прежде бесцветные конференции неизвестных технократов, на которых велись переговоры о таких скучных темах, как предоставление кредитов и торговые квоты, стали причиной уличных боев и мощных демонстраций. Протесты во время конференции Всемирной торговой организации (ВТО) в 1999г. в Сиэтле вызвали шок. Гибель демонстранта в 2001 г. в Генуе, возможно, лишь первая из многих жертв в войне против глобализации.

Практически за одну ночь глобализация стала самым насущным вопросом нашего времени, который активно обсуждается во всем мире на уровне правлений фирм, в газетах и школах. Ведь постоянно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными ввергает в нищету все больше людей из стран третьего мира. Несмотря на повторяющиеся обещания в 90-х годах сократить число бедных во всем мире, оно увеличилось с тех пор почти на 100 млн. В тот же период мировые доходы ежегодно росли в среднем на 2,5%. Большие ожидания африканцев, связанные с деколонизацией, не оправдались. Вместо этого континент продолжает погружаться в нищету. Кризисы в Азии и Латинской Америке поставили под угрозу экономическую стабильность других развивающихся стран. Глобализация и введение рыночной экономики не достигли обещанных целей в России и большинстве других стран переходного периода. Вместо этого им была уготована небывалая бедность. Дабы понять, в чем ошибка, надо взглянуть на три важнейшие организации, управляющие глобализацией: Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и ВТО.

Решение о создании МВФ и ВБ было принято в июле 1994г. на международной валютной и финансовой конференции ООН в Бреттон-Вудсе. Она была частью общих усилий по финансированию восстановления Европы после Второй мировой войны и защите мира от тяжких экономических кризисов в будущем. МВФ финансируется на средства налогоплательщиков во всем мире. При этом МВФ не отчитывается непосредственно ни перед гражданами, которые его финансируют, ни перед теми людьми, на условия жизни которых он оказывает влияние. Его скорее контролируют министры финансов и председатели центробанков стран-участниц. Они осуществляют контроль посредством сложной процедуры согласований, в которой вес

каждой страны в значительной степени определяется ее экономической мощью. Решают все индустриальные страны, но только США имеет де-факто право вето.

Решающие изменения произошли в 80-х годах, когда Рональд Рейган и Маргарет Тетчер стали проповедовать идеологию свободной рыночной экономики. МВФ и ВБ стали новыми миссионерскими институтами, через которые эта концепция навязывалась сопротивляющимся ей бедным странам, нередко срочно нуждавшимся в их кредитах и ассигнованиях.

Оба института могли бы предложить этим странам альтернативные концепции решения некоторых проблем развития и преобразований и тем самым, возможно, укрепить демократические процессы. Однако оба института были лишь исполнителями коллективной воли государств "семерки", и слишком часто живая демократическая дискуссия об альтернативных стратегиях была последним, чего они хотели.

Проблемы МВФ и других международных институтов сводятся к одному слову – управлению, т.е. к вопросу о том, кто и почему принимает решения. Богатейшие индустриальные страны не просто господствуют в этих институтах, их деятельность, в частности, определяется интересами торгового и финансового мира этих стран. Уже сама процедура выборов высших чиновников этих институтов высвечивает проблему. Хотя сегодня МВФ и ВБ действуют практически исключительно в странах третьего мира, в их руководстве находятся представители промышленных государств. Руководители обеих организаций избираются за закрытыми дверями, и от кандидатов на эти должности еще никогда не требовалось наличия практического опыта в странах третьего мира. Спустя почти 60 лет после основания можно констатировать, что МВФ не справился со своей задачей. Многие нормы экономической политики МВФ, прежде всего преждевременная либерализация рынка капитала, обостряют нестабильность мировой экономики.

Глобализация в ее нынешней форме не увенчалась успехом. Она сомнительна с экологической точки зрения. Она не вносит вклад в стабильность мировой экономики. А при переходе плановой экономики на рыночные рельсы было сделано так много ошибок, что в затронутых странах, кроме Китая, Вьетнама и некоторых стран Восточной Европы, стремительно выросла бедность, а доходы сильно сократились.

Некоторые видят простой выход: похоронить глобализацию. Но это нереализуемо и нежелательно. Глобализация многократно улучшила здравоохранение и выпестовала активное глобальное гражданское общество, которое борется за укрепление демократии и социальной справедливости. Проблема не в глобализации, а в способе ее реализации. Повсюду слышатся призывы к реформам, начиная от комитетов при Конгрессе США, ученых, пишущих об изменениях в глобальной финансовой архитектуре, и кончая движениями протеста, которыми сегодня сопровождается практически каждая крупная международная конференция. МВФ и ВБ изменили свою риторику – сегодня они больше говорят о бедности, и, по крайней мере, в ВБ

серьезно стараются следовать взятым на себя в рамках многих программ обязательствам. Однако многие критики настроены скептически.

Я считаю: глобализацию можно выстраивать так, чтобы раскрыть ее позитивный потенциал. Мы не можем повернуть колесо глобализации вспять – нам придется жить с ней. Вопрос в том, как нам ее выстроить так, чтобы как можно больше людей могли извлечь из нее максимум пользы. Дабы выстроить процесс глобализации так, чтобы его плоды распределялись более равномерно, необходима, прежде всего, коренная ревизия системы управления – т.е. руководящих и контролирующих структур международных экономических институтов. Для этого надо заново распределить голоса в МВФ и ВБ и сделать так, чтобы в ВТО были слышны не только голоса министров экономики, а в МВФ - министров финансов. Эффективное участие в принятии решений предполагает хорошую информированность представителей развивающихся стран. Необходим независимый от международных экономических организаций “мозговой трест”. Помимо коренной ревизии системы управления, важнейшей гарантией того, что международные экономические институты будут обращать больше внимания на проблемы бедных, окружающую среду и всеобщие политические и социальные интересы, является усиление открытости и транспарентности.

Публичная отчетность МВФ и ВБ все еще не отвечает стандартам, действующим для правительств в демократических странах. Они пытаются держать под замком критические отчеты. На мой взгляд, наиболее насущными являются следующие реформы:

Опасность либерализации рынка капитала (“hot money”) должна быть признана повсеместно: нужны реформы конкурсного права и мораториев. Если частные заемщики не могут выполнить требования своих отечественных или иностранных кредиторов, они должны объявлять о банкротстве вместо того, чтобы МВФ в рамках процедуры вывода из экономических трудностей брал на себя их долги и погашал их. Проблемы неплатежеспособности государств (как в Аргентине) сложнее, но и здесь должно быть больше пространства для банкротств и мораториев, причем МВФ не может играть при этом главную роль. МВФ – один из крупнейших кредиторов. Процедуру банкротства, в которой кредитор выступает в качестве арбитра, нельзя признать честной.

Улучшение регулируемости банковского сектора: дерегулирование финансового сектора и чрезмерное значение, которое придается капиталовооруженности финансовых институтов, являются ошибкой и дестабилизируют ситуацию; в 80-х Таиланд по праву ограничил предоставление кредитов на спекулятивные сделки с недвижимостью. Требования к Таиланду упразднить эти ограничения были ошибкой.

Улучшение управления рисками: сегодня во всем мире страны подвергаются экстремальным рискам в связи с сильным колебанием обменных курсов. Вне всяких сомнений, индустриальные страны могут лучше смягчать эти риски, и они должны помогать в создании соответствующих рынков страхования.

Улучшение системы социальной защиты.

Финансовая помощь: развивающиеся страны нуждаются не только в "помощи на цели развития", заслуживающей этого названия, но и в увеличении финансовой помощи. Сравнительно небольшие суммы могли бы улучшить здравоохранение и значительно сократить неграмотность. Для оказания помощи в целях развития надо создать более устойчивую финансовую базу, которая не будет зависеть от настроений во внутренней политике США или других стран. Одно из предложений сводится к тому, чтобы финансировать развивающиеся страны, кроме прочего, из поступлений от использования глобальных экономических ресурсов – добычи руды с морского дна и прав на рыбную ловлю в морях.

Списание долгов: экономика многих развивающихся стран не может расти, пока их долги не списаны. Очень высокий процент от текущей экспортной выручки уходит на обслуживание долгов индустриальным странам. Движение "Юбилей 2000" мобилизовало широкую международную поддержку в пользу списания долгов. Однако списание долгов должно быть продолжено: сегодня только беднейшие страны извлекают из него пользу.

За прошедшие годы многое изменилось. Однако многое еще предстоит сделать. МВФ постоянно проповедовал, что для долгосрочного успеха нужны болезненные сокращения. Сегодня на карте стоит успех не той или иной страны. Сегодня речь идет о будущем мировой экономики. Только тогда, когда международные организации пройдут через возможно болезненный процесс преобразований, они смогут выполнить свою задачу: придать глобализации человеческое лицо.

Проф. Джозеф Стиглиц был главным экономистом Всемирного банка, экономическим советником Б. Клинтона, в прошлом году он стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

In the shadow of globalization

J. Stieglitz

Professor of the Columbian
University in New York

Summary

Practically during a night the globalization has become the most urgent issue in nowadays, which is actively discussed in all over the world.

Globalization and managing of market economy do not achieve promised objectives in Russia and in many other states in a transition. For finding out the mistake, we should pay attention to the three most important organizations, managing the globalization, they are: Currency International Fund (CIF), World Bank (WB) and World Trade Organization (WTO).

The decision on the establishment of Currency International Fund and World Bank was adopted in July, 1994 in the International Currency and Financial Conference of the United Nations Organization (UNO).

Already 60 years after the establishment of CIF, we can protocol, that Currency International Fund did not cope with its task.

The globalization in its present form does not have success. For organizing the process of globalization, it should distribute its fruits more equally. First of all, it is necessary to fundamentally revise the system of management - that is managing and controlling structures of international economical institutions. It is necessary an "brain trust" independent from the international economical organizations. Besides the fundamental revision of the system of management, the most important guarantees are the strengthening of openness and transparency, in order the international economical institutions to pay more attention to the problems of poor, environment and general political and social interests.

Обзор практики Конституционного Суда Республики Беларусь за четвертый квартал 2002 года

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь

9 октября 2002 г., г. Минск, № Р-147/2002

О конституционности установления местного сбора с физических лиц при пересечении ими границы Республики Беларусь через контрольно-пропускные пункты

Предметом рассмотрения Конституционного Суда был вопрос о конституционности решений Брестского городского, Брестского районного и Каменецкого районного Советов депутатов в части установления местных сборов с физических лиц при пересечении ими границы Республики Беларусь через контрольно-пропускные пункты "Варшавский мост", "Брест - Центральный", "Песчатка", "Домачево – Словатычи" и "Томашовка".

Проанализировав соответствующие положения Конституции, Закона "О бюджете Республики Беларусь на 2002 год" и других нормативных правовых

актов, Конституционный Суд отметил, что согласно статье 121 Конституции установление в соответствии с законом местных налогов и сборов относится к исключительной компетенции местных Советов депутатов. В перечне местных налогов и сборов, содержащемся в статье 10 Закона "О бюджете Республики Беларусь на 2002 год", указаны сборы с физических лиц при пересечении ими границы Республики Беларусь через контрольно-пропускные пункты. На основании этого Конституционный Суд признал решения вышеперечисленных местных Советов депутатов в части введения названного местного сбора соответствующим Конституции и законам Республики Беларусь.

В то же время Конституционный Суд обратил внимание Брестского районного Совета депутатов на неконституционность делегирования своих исключительных полномочий Исполнительному комитету и Президиуму Совета депутатов, а также предложил данному Совету депутатов изменить практику последующего утверждения положений о местных сборах и внесения изменений в эти положения после их принятия Исполнительным комитетом и Президиумом местного Совета депутатов.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь

9 октября 2002 г., г. Минск, № Р-148/2002

О конституционности пункта 23 решения Минского городского Совета депутатов от 11 января 2002 г. № 219 "О бюджете города Минска на 2002 год" и других вопросах, связанных с налогом на недвижимость

На основании статьи 40, части первой статьи 116, части четвертой статьи 122 Конституции Конституционным Судом рассмотрены вопросы, связанные с исчислением налога на недвижимость: 1) о неравенстве граждан – собственников частных домов и граждан, которым на праве собственности принадлежат квартиры в многоквартирных домах; 2) о неравенстве граждан, имеющих дома в г. Минске и уплачивающих налог по прогрессивной шкале, установленной городским Советом депутатов и граждан, проживающих в других городах и регионах республики; 3) об оценке частных домовладений.

Конституционный Суд отметил, что согласно статьям 97, 98 Конституции установление республиканских налогов и сборов относится к компетенции Парламента. Парламенту принадлежит право решать в законе не только такие существенные вопросы о налогообложении, как субъект, объект, ставка налога, и другие, без которых налоговое обязательство и порядок его исполнения не могут считаться определенными, но и иные вопросы, к которым, в частности, относится установленная в статье 4 Закона "О налоге на недвижимость" налоговая льгота в виде освобождения от обложения налогом одного из принадлежащих физическим лицам на праве собственности жилых помещений в многоквартирных домах.

Решение Минского городского Совета депутатов в части установления ставок налога на недвижимость признано не противоречащим Конституции Республики Беларусь и Закону "О бюджете Республики Беларусь на 2002 год". В то же время Парламенту Республики Беларусь предложено с целью

обеспечения более полной защиты конституционных прав граждан и их гарантий, устранения неравенства плательщиков налога на недвижимость в различных городах и регионах республики и обеспечения принятия местными Советами депутатов оптимальных решений в области установления ставок этого налога определить в законе о бюджете Республики Беларусь на очередной год максимальные пределы, в рамках которых местные Советы депутатов могут увеличивать ставки налога на недвижимость.

Конституционный Суд предложил Совету Министров проанализировать методику оценки принадлежащих физическим лицам на праве собственности зданий (строений) с целью нахождения возможности ее пересмотра для более полной защиты конституционных прав и законных интересов граждан; изучить вопрос об отнесении деятельности по оценке зданий (строений), принадлежащих физическим лицам на праве собственности, к сопутствующим государственной регистрации недвижимого имущества видам деятельности, а также систематизировать нормативные правовые акты, на основании которых производится оценка зданий (строений), принадлежащих физическим лицам на праве собственности.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь

5 ноября 2002 г., г. Минск, № Р-149/2002

О конституционности решения Гомельского областного Совета депутатов от 28 марта 2002 г. № 153 в части применения повышающих коэффициентов к ставкам единого налога с индивидуальных предпринимателей

Решением Гомельского областного Совета депутатов установлены повышающие коэффициенты к ставкам единого налога с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, осуществляющих реализацию товаров, работ (услуг), но не использующих наемный труд при розничной реализации товаров через обособленные торговые места на рынках вне стационарной торговой сети с торговых мест, размер которых превышает размер, определенный собственником рынка.

По мнению Конституционного Суда, областной Совет депутатов не превысил своих полномочий, определив, что такие случаи относятся к иным особенностям и условиям осуществления предпринимательской деятельности.

В то же время, поскольку размеры торгового места на рынке непосредственно связаны с установлением арендодателем арендной платы, ставки которой определяются им в соответствии с законодательством, а также поскольку эти торговые места относятся к пунктам продажи, в зависимости от количества и размеров которых устанавливается ставка единого налога, Конституционный Суд предложил Совету Министров для обеспечения более полной защиты прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей нормативно определить минимальный размер таких торговых мест.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь
6 ноября 2002 г., г. Минск, № Р-150/2002

О конституционности уменьшения банками в одностороннем порядке процентных ставок по договорам банковского вклада (депозита)

Законодательством Республики Беларусь предусмотрена возможность одностороннего изменения условий договора банковского вклада в части выплаты вкладчику процентов по вкладу. Конституционный Суд отметил, что, исходя из статьи 13 Конституции, принцип свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина воспроизведен в Гражданском кодексе в числе основных начал гражданского законодательства. В то же время свобода договора не является абсолютной, она не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод, исходя из смысла части первой статьи 23 Конституции.

Способом ограничения свободы договора является, в частности, институт публичного договора, исключающего право коммерческой организации отказаться от заключения такого договора, кроме случаев, предусмотренных законодательством, а также институт договора присоединения, условия которого могут быть приняты не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. К таким договорам относятся договоры банковского вклада (депозита). В результате граждане-вкладчики, как сторона в договоре, условия которого определяются банками в стандартных формах, лишены возможности влиять на его содержание, что является ограничением свободы договора и как таковое требует соблюдения принципа соразмерности. Гражданин, как экономически слабая сторона, в этих правоотношениях нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, то есть для банков. По мнению Конституционного Суда, такой подход способствовал бы реализации в полной мере принципа равенства участников гражданских правоотношений, закрепленного в гражданском законодательстве. Возможность отказаться от заключения договора банковского вклада, внешне свидетельствующая о признании свободы договора, не может считаться достаточной для ее реального обеспечения гражданам.

Осуществляя правовое регулирование отношений между банками и гражданами-вкладчиками, законодатель должен следовать статьям 2, 13 и 44 Конституции, в соответствии с которыми человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества, государство поощряет и охраняет сбережения граждан, создает гарантии возврата вкладов, а регулирование экономической деятельности осуществляется в социальных целях. При этом, исходя из принципа свободы договора, законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне, с тем чтобы не допустить возникновения недобросовестной конкуренции в сфере

банковской деятельности и реально гарантировать соблюдение принципа равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Согласно пункту 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Конституционный Суд предложил Парламенту Республики Беларусь для обеспечения установленных статьями 2, 13, 22, 23 Конституции Республики Беларусь конституционных принципов свободы договора, равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, регулирования экономической деятельности в социальных целях, защиты прав, свобод человека и гарантии их реализации определить в Банковском кодексе Республики Беларусь случаи, при которых допустимо снижение банками в одностороннем порядке процентных ставок по вкладам граждан с целью исключения произвольного ухудшения условий договора для гражданина-вкладчика в отсутствие каких-либо объективных предпосылок.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь
12 ноября 2002 г., г. Минск, № Р-151/2002

Об определении понятия "доход" для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности

Конституционный Суд указал, что согласно части первой статьи 233 УК незаконная предпринимательская деятельность признается преступлением, если она связана с получением дохода в крупном размере. Частью второй данной статьи предусматривается повышенная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность, сопряженную с получением дохода в особо крупном размере. В примечании к главе 25 УК предусмотрено, что следует понимать под крупным и особо крупным размерами дохода. Однако само понятие дохода, его состав и порядок исчисления уголовным законом не определены.

Понятие дохода содержится в иных законодательных актах в законах «О подоходном налоге с физических лиц», «О налогах на доходы и прибыль», «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем», в Декрете Президента Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 43 «О налогообложении доходов, полученных в отдельных сферах деятельности» и др. Из анализа содержания названных нормативных правовых актов следует, что понятие дохода определено в них по-разному, в зависимости от целей, для которых это понятие применяется.

Для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности как преступного деяния понятие дохода определено в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 6 «О

судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности». В пункте 6 указанного Постановления разъяснено, что «под доходом от незаконной предпринимательской деятельности следует понимать всю сумму выручки в денежной либо натуральной форме без учета затрат на ее получение. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении».

Конституционный Суд пришел к выводу, что, разъясняя понятие дохода от незаконной предпринимательской деятельности, Пленум Верховного Суда фактически дал определение дохода, согласно которому такая деятельность при получении дохода в крупном или особо крупном размере признается преступлением. Таким образом, Пленум Верховного Суда выполнил функцию законодателя.

Основываясь на положениях Конституции (статьи 97 и 98), Уголовного кодекса (статьи 1 и 3), Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (статьи 70 и 72), Закона «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» (статья 49), Конституционный Суд указал, что для целей единообразного и точного применения терминов, используемых в Уголовном кодексе, только законодатель вправе определить понятие «доход» применительно к незаконной предпринимательской деятельности, а также к другим преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности, что определение понятия «доход» применительно к незаконной предпринимательской деятельности должно содержаться не в постановлении Пленума Верховного Суда, а в Уголовном кодексе либо должно быть раскрыто законодательным путем толкования этого понятия применительно к уголовным правоотношениям.

Конституционный Суд предложил Парламенту принять соответствующий закон.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь
24 декабря 2002 г., г. Минск, № Р-152/2002

О конституционных гарантиях права лиц, осужденных к лишению свободы, на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания

Принятие данного решения обусловлено неоднократными обращениями в Конституционный Суд осужденных к лишению свободы. Несмотря на то что статья 60 Конституции Республики Беларусь, гарантирует право каждому на судебную защиту, суды продолжают отказывать этим лицам в рассмотрении их жалоб, мотивируя это отсутствием в законодательстве норм, предусматривающих порядок такого обжалования.

В своем решении Конституционный Суд подтвердил конституционное право осужденных к лишению свободы на обращение в суд в связи с наложением на них мер взыскания. Это право гарантируется предписаниями Конституции (статьи 59, 60, 137) и Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины».

Конституционный Суд также отметил, что лица, которым было неправомерно отказано ранее в судебной защите, имеют на нее право, поскольку срок давности в отношении этих лиц не применим. Лица, которым отказано в судебной защите, вправе обращаться в органы прокуратуры для применения мер прокурорского реагирования и восстановления нарушенных конституционных прав.

Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 14 марта 2002 г. N 6-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ СТАТЕЙ 90, 96, 122 И 216 УГОЛОВНО – ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РСФСР В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН С.С. МАЛЕНКИНА, Р.Н. МАРТЫНОВА И С.В. ПУСТОВАЛОВА

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Г.А. Жилина, судей М.В. Баглая, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, В.Д. Зорькина, В.О. Лучина, Н.В. Селезнева, В.Г. Стрекозова, О.С. Хохряковой,

с участием адвоката Е.М. Носковой – представителя гражданина Р.Н. Мартынова и адвоката Г.С. Каганера – представителя гражданина С.В. Пустовалова, а также постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации В.В. Лазарева и представителя Совета Федерации – председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Ю.А. Шарандина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97, 99 и 86 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова на нарушение их конституционных прав положениями указанных статей Уголовно – процессуального кодекса РСФСР, которыми регламентируются порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, и порядок применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти положения, примененные в делах заявителей, Конституции Российской Федерации.

Заслушав сообщение судьи – докладчика Н.В. Селезнева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации А.М. Бризицкого, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации – А.Я. Качанова, от Министерства юстиции Российской Федерации – Н.А. Иванова, от Федеральной службы

безопасности Российской Федерации – Л.Н. Башкатова, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – Г.Г. Никитина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

Установил:

1. Заявители – граждане С.С. Маленкин, Р.Н. Мартынов и С.В. Пустовалов были заключены под стражу с санкции прокурора в связи с обвинением в совершении каждым из них ряда преступлений.

В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Н. Мартынов и С.В. Пустовалов оспаривают конституционность статьи 96 УПК РСФСР, устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется с соблюдением требований статьи 11 УПК РСФСР, т.е. на основании судебного решения или с санкции прокурора, и определяющей соответствующие полномочия должностных лиц органов прокуратуры. По мнению заявителей, положения этой статьи противоречат статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Кроме того, С.В. Пустовалов просит признать не соответствующей Конституции Российской Федерации статью 216 УПК РСФСР, предусматривающую право прокурора при утверждении обвинительного заключения избирать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу, в том числе несмотря на истечение установленных статьей 97 УПК РСФСР предельных сроков содержания под стражей.

С.С. Маленкин в своей жалобе утверждает, что статья 90 УПК РСФСР, как позволяющая в исключительных случаях применять с санкции прокурора меру пресечения в виде заключения под стражу на срок до десяти суток в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, до предъявления ему обвинения, и статья 122 УПК РСФСР, как позволяющая задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления, без судебного решения на срок более 48 часов, нарушают гарантируемое статьей 22 Конституции Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, а именно положений уголовно – процессуального закона, на основании которых на различных этапах досудебного производства по уголовному делу допускается ограничение свободы и личной неприкосновенности граждан на срок свыше 48 часов без судебного решения, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

2. Закрепленное Конституцией Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22, часть 1) относится к числу основных прав человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения (статья 17, часть 2), а конституционно установленные особые уголовно –

процессуальные гарантии судебной защиты данного права в силу статьи 18 Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими и, следовательно, определяющими смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовно – процессуального законодательства, равно как и деятельность законодательной власти по его принятию, изменению и дополнению.

Предусмотрев в абзаце втором пункта 6 раздела второго “Заключительные и переходные положения”, что до приведения уголовно – процессуального законодательства в соответствие с конституционными положениями сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, Конституция Российской Федерации тем самым обязала законодателя в течение переходного периода, конкретные временные границы которого ею не определялись, внести изменения в действующее законодательство, с тем чтобы нормы о применении ареста (заключения под стражу) и содержании под стражей только на основании судебного решения и о предельном 48- часовом сроке задержания лица до вынесения судебного решения вошли в качестве обязательного элемента в механизм правового регулирования применения мер процессуального принуждения.

Временный характер сохранения того порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, который был урегулирован действовавшим до принятия Конституции Российской Федерации уголовно – процессуальным законодательством, подтвержден Федеральным законом от 30 марта 1998 года “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”. Признавая закрепленное в пунктах 3 и 4 статьи 5 Конвенции право каждого задержанного или арестованного на незамедлительное доставление к судье и на судебное разбирательство в течение разумного срока, российский законодатель ограничил применение санкционированного абзацем вторым пункта 6 раздела второго “Заключительные и переходные положения” Конституции Российской Федерации и предусмотренного частью первой статьи 11, частью первой статьи 89, статьями 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97, 101 и 122 УПК РСФСР порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, периодом, который потребуется для внесения в законодательство Российской Федерации изменений, полностью устраняющих несоответствия указанных положений положениям Конвенции.

Таким образом, как в Конституции Российской Федерации, так и в Федеральном законе “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” сохранение действия положений уголовно – процессуального закона, которыми регламентируются порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, и порядок применения заключения под стражу, рассматривается как переходная мера, ограниченная по времени периодом, необходимым лишь для внесения в законодательство соответствующих изменений.

3. В случаях, когда право, для защиты которого необходимо принятие закона, непосредственно закреплено в Конституции Российской Федерации, исполнение подобной обязанности должно осуществляться скорейшим образом. Данная правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 2 февраля 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно – процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях".

Как следует из этой правовой позиции, подтвержденной Конституционным Судом Российской Федерации в официально опубликованном Определении от 2 апреля 2001 года по жалобе гражданина С.В. Посохова на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 122 УПК РСФСР, в связи с тем, что после принятия Конституции Российской Федерации прошел значительный срок, достаточный не только для выполнения законодателем предписания абзаца второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации о приведении уголовно – процессуального законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации, но и для обеспечения его действия, меняется конституционное значение переходных положений, содержащихся в Конституции Российской Федерации, поскольку временные нормы фактически становятся постоянно действующими и в таком качестве нарушают не только право, гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации, но и провозглашенный ею принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина (статья 18).

Сохранение прежнего порядка задержания и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, таким образом, уже с этого времени – вопреки конституционному смыслу абзаца второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации и принятым на себя Российской Федерацией обязательствам в связи с ратификацией ею Конвенции о защите прав человека и основных свобод – приводило, по сути, к отказу от реализации гарантированного главой 2 Конституции Российской Федерации механизма судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Между тем гарантии судебной защиты имеют особое значение для ситуаций, связанных с ограничением одного из основных прав человека – права на свободу и личную неприкосновенность, что признается, в частности, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Международным пактом о гражданских и политических правах. Согласно этим международно – правовым актам, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо незамедлительно доставляется к судье или к

другому должностному лицу, которому принадлежит по закону полномочие осуществлять судебную власть, и ему должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Указанные гарантии права на судебную защиту, которое как неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения должно быть обеспечено наиболее полным образом, не могут быть компенсированы предоставлением – на основании действующего регулирования – обвиняемому и подозреваемому, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, возможности обжаловать в судебном порядке незаконность и необоснованность ареста или продления срока содержания под стражей (статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР), поскольку при этом допускается ограничение свободы и личной неприкосновенности вне судебного контроля в течение значительного времени (до момента рассмотрения судом соответствующей жалобы).

4. 18 декабря 2001 года принят Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации. Однако часть вторая его статьи 29, согласно которой только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, о продлении срока содержания под стражей, а также другие нормы, касающиеся передачи судам в ходе досудебного производства по уголовному делу полномочий по применению меры пресечения в виде заключения под стражу и продлению срока содержания под стражей, Федеральным законом от 18 декабря 2001 года “О введении в действие Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации” вводятся в действие лишь с 1 января 2004 года; до этого момента решения по таким вопросам по-прежнему принимает прокурор.

Следовательно, до наступления указанного срока порядок внесудебного ограничения свободы и личной неприкосновенности по-прежнему сохраняется в качестве составной части правовой системы Российской Федерации, т.е. применительно к этому периоду фактически рассматривается законодателем как соответствующий Конституции Российской Федерации. Тем самым предписание абзаца второго пункта 6 раздела второго “Заключительные и переходные положения” Конституции Российской Федерации реализовано им сугубо формально, чем нарушается действительный смысл данного предписания. Сохранение прежнего порядка задержания и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу является отступлением не только от провозглашенных статьями 22 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации особых процессуальных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность, но и от закрепленных в статьях 17 и 18 Конституции Российской Федерации принципа непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, обязанности Российской Федерации признавать и гарантировать их в соответствии с общепризнанными принципами и нормами

международного права, не согласуется с сохраняющими свою силу правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу, а также несовместимо с принятыми на себя Россией обязательствами в связи с ратификацией ею Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, поскольку в настоящее время не имеется оснований для сохранения действия положений статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР, допускающих возможность задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, на срок свыше 48 часов и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу без судебного решения, данные положения не могут рассматриваться как соответствующие Конституции Российской Федерации.

В связи с этим Федеральному Собранию надлежит незамедлительно внести в законодательство изменения, с тем чтобы обеспечить введение в действие норм, предусматривающих судебный порядок применения ареста (заключения под стражу), содержания под стражей, а также задержания подозреваемого на срок свыше 48 часов, одновременно с Уголовно – процессуальным кодексом Российской Федерации как единой системой норм, определяющих общие начала и порядок уголовного судопроизводства, т.е. с 1 июля 2002 года.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 80, 87 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

Постановил:

1. Признать положения статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР, допускающие задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, на срок свыше 48 часов и применение в качестве меры пресечения заключения под стражу без судебного решения, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 22 и 46 (часть 1), а также абзацу второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения".

Данные положения УПК РСФСР, а также все иные нормативные правовые положения, допускающие задержание до судебного решения на срок свыше 48 часов, а также арест (заключение под стражу) и содержание под стражей без судебного решения с 1 июля 2002 года не подлежат применению.

2. Федеральному Собранию надлежит незамедлительно внести в законодательство изменения, с тем чтобы обеспечить введение в действие норм, предусматривающих судебный порядок применения ареста (заключения под стражу), содержания под стражей, а также задержания подозреваемого на срок свыше 48 часов, с 1 июля 2002 года.

3. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения и действует непосредственно.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

**Конституционный Суд
Российской Федерации**

**Председателем
Конституционного Суда
Российской Федерации избран
В. Д. Зорькин**

Зорькин Валерий Дмитриевич родился 18 февраля 1943 года в селе Константиновка Октябрьского района Приморского края.

Окончил Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Был преподавателем, старшим преподавателем, доцентом юридического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

С 1980 по 1986 годы – профессор кафедры конституционного права и теории государства и права Академии МВД СССР.

С 1991 по 1993 годы – Председатель Конституционного Суда Российской Федерации.

С 1993 года – судья Конституционного Суда Российской Федерации.

В 2003 году избран Председателем Конституционного Суда Российской Федерации.

Доктор юридических наук, профессор. Автор более 20 научных публикаций и 6 монографий по теории права, истории и теории конституционализма, истории российской правовой мысли.

**Председателем
Конституционного Суда
Республики Узбекистан избран
Б.М. Мустафаев**

Мустафаев Буритош Мустафаевич родился в 1949 году в Хатирчинском районе Самаркандской области.

В 1965-1966 годах работал фрезеровщиком на Ташкентском экскаваторном заводе.

В 1971 году после окончания юридического факультета Ташкентского государственного университета был направлен в Самаркандскую областную прокуратуру на должность прокурора следственного отдела.

В 1973-1976 годах работал следователем Нарпайской районной прокуратуры, в 1976-1978 годах – судьей Акташского городского суда Самаркандской области, в 1978-1979 годах – прокурором Жамбайского района, в 1979-1985 годах – заместителем прокурора и первым заместителем прокурора Самаркандской области.

С 1985 по 1989 годы был прокурором Андижанской области, с 1989 по 1990 год – заместителем прокурора Республики Узбекистан.

В 1990-1993 годах работал прокурором Республики Узбекистан, в 1993-1998 годах – Генеральным прокурором Республики Узбекистан.

В 1998 году назначен заместителем Государственного советника Президента Республики Узбекистан.

С 2000 по 2002 годы работал заместителем министра юстиции Республики Узбекистан.

В августе 2002 года избран Председателем Конституционного Суда Республики Узбекистан.